

НОВЫЕ ТЕКСТЫ

С. С. Ярошенко

«Женская работа» и личное благополучие: технологии исключения в постсоветской России

ЯРОШЕНКО Светлана Сергеевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры сравнительной социологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Адрес: 193060, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, 9-й подъезд.

Email:

svetayaroshenko@gmail.com

В статье на основании данных пяти волн лонгитюдного качественного исследования, проведённого в 1999–2010 гг. в одном из регионов России среди людей, официально признанных бедными, анализируются особенности положения женщин на рынке труда и специфика их стратегий занятости. Доказывается, что в условиях формирования рыночной экономики обслуживания сокращаются возможности женщин управлять жизненной ситуацией с помощью работы, а принятие ими норм «универсального работника» не гарантирует высоких доходов и не компенсирует издержек, связанных с отказом от заботы о других. Меняется гендерный режим исключения, или механизм патриархатного доминирования, то есть происходит ограничение доступа к ключевым ресурсам, необходимым для восходящей мобильности. В советский период специальная поддержка женщин стимулировала их включение в сферу занятости и минимизировала влияние половых различий на трудовую карьеру. В то же время происходила сегрегация женщин в отраслях социального воспроизводства и сохранялась ответственность женщин за ведение домашнего хозяйства. В рыночных условиях особая позиция женщин в сфере производства и домохозяйства, в основании которой лежит забота о других, становится ресурсом выживания и источником извлечения прибыли.

Ключевые слова: «женская работа»; забота; гендерный режим исключения; благополучие; социальная трансформация; постсоветская Россия.

Вопрос о том, чего хотят российские женщины и в какой мере то, что они делают, совпадает с их желаниями, приобретает особую актуальность в свете социальных изменений последних двух десятилетий, а именно в связи с глобализацией рыночных отношений, реструктуризацией экономики и сворачиванием социальных гарантий, изменением жизненных приоритетов и ценностей. Россия не является исключением и наряду с другими странами Европы и Америки переживает «вторую великую трансформацию» [Burawoy 2000]. И если первая трансформация была связана с переходом к индустриальному обществу [Поланьи 2002], то вторая — к постиндустриальному, в котором признаются уже нематериальные ценности самореализации и самовыражения [Инглхарт 2010]. То, как нынешний переход отразится на благополучии и изменит существующее неравенство, есть предмет широких научных дискуссий. В данной статье я затрону лишь ту из сторон, что связана с влиянием на личное благополучие разделения труда по полу и представлений о том, что должны делать мужчины и женщины в новых

условиях. И особое внимание уделю тому, каким образом в российском рыночном обществе вознаграждается труд женщин¹.

Цель статьи: на основании данных пяти волн лонгитюдного качественного исследования, проведённого в 1999–2010 гг. в одном из регионов России среди людей, официально признанных бедными, проанализировать особенности положения женщин на рынке труда и специфику их *стратегий* (устойчивых практик) занятости. Сначала я рассмотрю, в какой мере эти стратегии связаны с представлениями о «хорошей» работе, затем то, какие возможности и ограничения существуют в их реализации и, наконец, в достижении материального благополучия.

Информационная база: глубинные фокусированные интервью с теми, кто испытывал проблемы на рынке труда, не смог самостоятельно решить материальные затруднения и обратился в 1998 г. в социальные службы за помощью. Среди зарегистрированных в качестве нуждающихся были отобраны 30 мужчин и 30 женщин моложе и старше 35 лет, у половины из которых нет высшего образования. В течение 1999–2001 гг. два раза в год с ними проводились глубинные фокусированные интервью согласно путеводителю, включающему два основных блока вопросов о поведении на рынке труда, а также о ситуации в домохозяйстве (бюджет и распределение обязанностей). В дополнение к транскрипции интервью некоторые ответы респондентов были формализованы и занесены в базу SPSS. Всего за этот период были реализованы четыре волны качественного социологического исследования. Спустя почти 10 лет, в 2010 г., мы снова вернулись к нашим информантам, чтобы узнать об изменениях. В ходе пятой волны были найдены 39 информантов из первоначальной выборки (19 мужчин и 21 женщина). На основании интервью с 21 женщиной я рассматриваю то, как изменились стратегии занятости женщин и как им удаётся решать материальные проблемы семьи и вопросы личного благополучия с помощью работы². Текстовые данные каждой волны анализировались с помощью программы ATLAS, а также с применением базы формализованных в SPSS ответов. При упоминании респондентов в тексте использован код из трёх цифр: первая — регион, вторая — номер интервью; третья — стадия исследования, на которой снималась информация.

Основной тезис, выносимый на обсуждение, заключается в том, что в практиках занятости женщин отражаются особенности формирования в России рыночной экономики обслуживания, в которой товарно-денежные отношения распространяются на сферу социального воспроизводства, прежде регулируемую социальными нормами и институциональными правилами. Нематериальные составляющие деятельности по поддержанию социальных связей и заботы о других используются для компенсации и оправдания низкой заработной платы. В результате в стратегиях решения конфликта между трудовым вкладом и его вознаграждением выстраивается неравный обмен в пользу тех, кто ориентирован на личное благополучие и получение коммерческой выгоды, в силу приписывания им «культурного» превосходства, скрывающего институциональный механизм исключения. Данный механизм состоит из образца «личного благополучия», сформированного по правилам, игнорирующим особенности позиций и интересов заботящихся, позволяющим привилегированным группам определять условия эксплуатации их деятельности по поддержанию отношений и сообщества. Сфера автономной субъектной реализации в социально ориентированной деятельности (по поддержанию социальных связей, эмоциональной близости, по уходу, заботе и передаче определённых ценностей) сокращается и становится

¹ Я признательна всем, кто принимал участие в обсуждении статьи, и особенно — Татьяне Лыткиной, Астрид Шорн и Диане Оскорбиной за критику и поддержку.

² Исследование среди этой категории проводилось в рамках проекта «Гендерные различия стратегий занятости». Зарегистрированные бедные были одной из четырёх групп респондентов, отобранных в начале исследования по признаку сложных ситуаций, с которыми они сталкиваются на рынке труда: работники депрессивных предприятий (Москва); зарегистрированные безработные (Самара); новички на рынке труда, окончившие университет и техникум (Ульяновск). Более подробно описание методики проведения исследования см.: [Ashwin 2006: 1–31].

полем реализации избирательных стратегий управления воспроизводительными силами (через политики управления бедностью и сексуальностью).

Рынок, сервисная экономика и избирательная социальная политика

Реструктуризация экономики постсоветской России и либеральные рыночные реформы проходили под знаком ликвидации убыточных производств, приватизации государственных предприятий и создания рыночного сектора экономики. Фактически сократилась сфера промышленности, место преимущественной занятости мужчин, и расширилась сфера услуг, преимущественная сфера занятости женщин: торговля, образование, медицина, социальное обслуживание. Развивается сервисная экономика, однако заработная плата занятых в ней остаётся низкой, равно как и престиж деятельности, связанной с поддержанием социальных отношений, с работой в сфере социального воспроизводства.

Одновременно меняются качество занятости и само представление о труде. С одной стороны, сокращаются стабильные рабочие места с гарантиями и привилегиями, принятыми и распространёнными при советском — фордистском, индустриальном — режиме производства. С другой стороны, расширяются рыночный сектор услуг, предпринимательство и самозанятость, в которых более высокие доходы обусловлены интенсивностью труда и минимальными гарантиями. Всё больше ценится труд, приносящий доходы, а высокая оплата связывается с профессионализмом, настойчивостью и предприимчивостью. Однако остаётся открытым вопрос о том, как эти изменения учитывают специфику сложившегося разделения труда, влияют на благополучие и в целом на возможности самореализации мужчин и женщин.

Наконец, меняется социальная политика, в которой акцент делается на личную ответственность за благополучие и адресную (избирательную) социальную поддержку наиболее нуждающихся. Однако это не решает проблему низкого уровня жизни семей с детьми и сохранения работающих бедных. И в целом действующая социальная политика слабо влияет на выравнивание жизненных шансов и преодоление социального неравенства³.

Гендерное измерение социальных последствий рыночной трансформации фиксируют данные статистики⁴ и результаты экспертизы социально-экономического развития России. В начале 2000-х гг. консультанты Всемирного банка опасались феминизации бедности в России [Прокофьева et al. 2000]. Спустя 10 лет экономической стабилизации теперь уже правительственные эксперты, вырабатывающие и «корректирующие» стратегию развития России до 2020 г., высказались об угрозе «люмпенизации» мужской части трудоспособного населения [Стратегия-2020: 320]⁵. Такой разброс в прогнозах свидетельствует как о значимом влиянии рынка на возможности мужчин и женщин, так и о разногласиях сре-

³ Уровень социального неравенства, который измеряется коэффициентом Джини, варьирующимся от 0 (при равномерном распределении доходов) до 1 (в случае крайней поляризации), увеличился с 0,260 (1991 г.) до 0,421 (2010 г.); см.: URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b11_13_p/Main.htm

⁴ Уровень гендерного неравенства остается высоким, хотя и наметилась тенденция к некоторому его снижению; см.: Данные Всемирного экономического форума (URL: <http://www.weforum.org/issues/global-gender-gap>). При этом сохраняется высокая разница в оплате труда мужчин и женщин [Женщины и мужчины в России 2002; 2012], а также дифференциация в оплате труда по видам экономической деятельности: отношение среднемесячной заработной платы в образовании и здравоохранении (в областях социального воспроизводства) к среднероссийскому уровню в 1980 г. составляло около 80%, в 2000 г. — около 60%, а в 2010 г. — около 70% [Коровкин, Королёв 2002: 90; Труд и занятость в России — 2011].

⁵ «В 2009 г. из числа экономически неактивного населения 6,3 млн мужчин трудоспособного возраста не выражали желания работать против 5,9 млн в 2000 г. Эта проблема затрагивает прежде всего мужчин 20–24 лет, а также лиц обоего пола старше 50 лет. Развитие данной тенденции чревато ростом числа получателей трансфертов и люмпенизированного населения» (выдержки из доклада «Новая модель роста — новая социальная политика» и комментарии к ним см.: [Письменная 2011а; 2011б]).

ди экспертов по поводу направлений этого влияния. Несмотря на разницу в диагнозах и явную политическую ангажированность, эксперты сходятся во мнении о распространении или сохранении бедности в семьях с детьми и среди работающих. Варианты решения данной проблемы предлагаются разные: от повышения пособия на детей при усилении адресности социальной помощи и разнообразия форм занятости [Стратегия-2020: 317] до повышения производительности труда и создания внесемейного сектора социальных услуг по уходу за детьми и нетрудоспособными [Гонтмахер et al. 2011: 167–168]. При этом работа (*эффективный труд с достойной заработной платой и высокой квалификацией*) признается важным условием благополучия, а создание среднего класса, или класса «креативных профессионалов», — стратегической задачей «новой социальной политики» грядущего постиндустриального общества [Гонтмахер et al. 2011: 54–63, 150]. Если общая заинтересованность в экономическом росте с сокращением расходов на социальную сферу очевидна, то основания и тем более перспективы подобного гендерно нейтрального решения текущего социального вопроса остаются туманными.

Вторая социальная трансформация, исключение и эмансипация

Теория, в том числе и теория феминизма, не даёт надёжных объяснений последствий очередной рыночной трансформации и того, как она отразится на благополучии и общественном устройстве. В интерпретациях происходящих изменений всё чаще встречаются отсылки к известной работе К. Полаanyi «Великая трансформация...», описывающей разрушительное влияние нерегулируемого рынка на общество XIX века [Полаanyi 2002]. Существуют различные реконструкции и деконструкции этой классической работы [Буравой 2000; Капелюшников 2005]. В данной статье я обращаюсь к её феминистской критике [Fraser 2011], где подчёркивается потенциал, содержащийся в признании неизбежной защиты общества от рынка и в обосновании необходимости его регулирования. Новый виток рыночного развития ведёт к распространению товарных отношений на нематериальные формы труда, связанные с сочувствием, заботой, поддержанием социальных связей, а значит, к освобождению от прежних моральных и социальных обязательств. Это неизбежно предполагает, с одной стороны, защитную реакцию общества, а с другой — запрос на эмансипацию, в том числе на критику неравного вознаграждения различий и сопротивление доминированию не только в экономике, но и в обществе, поэтому и выдвигается тезис: «Нет защиты без эмансипации». Однако остаётся неясным, как защитные реакции сочетаются с эмансипационной активностью по преобразованию общественного устройства, в какой момент и при каких условиях одни переходят в другие, а когда ведут к разрушению социальных связей и исключению⁶.

Эти общие положения задают ориентиры для интерпретации текущей теоретической дискуссии среди социологов по поводу влияния рынка на возможности мужчин и женщин и, соответственно, на вектор социальной и гендерной трансформации в бывших социалистических странах. В дискуссии можно выделить три подхода в зависимости от понимания действующих механизмов доминирования, исключения и способов их регулирования.

Исследователи, придерживающиеся первого подхода, приходят к выводу о том, что именно формы регулирования, а не рынок или степень экономического развития, определяют возможности карьеры

⁶ К. Полаanyi отмечал наличие многочисленных и разнообразных защит от разрушительного влияния рынка на общество: от перенесения ответственности за содержание работников с работодателя на сообщество (религиозный приход) до профсоюзного движения и тоталитарных режимов. По его мнению, только те способы защиты, которые погружены в общую культуру и связаны с интересами всего общества, позволяют контролировать негативные социальные последствия, вызванные нерегулируемым рынком [Полаanyi 2002: 169–182]. Н. Фрезер критикует подобную идеализацию способов защиты в обществе, считает их также иерархически упорядоченными и доказывает, что причины доминирования кроются в преимущественном доступе некоторых групп к средствам интерпретации, общения и производству культурных значений, которые представляются как универсальные, хотя выражают опыт, интересы и ценности господствующих групп, потому исследовательница делает упор на эмансипационных стратегиях, противодействующих иерархиям не только в рынке, но и в обществе [Fraser 2011].

женщин постсоциалистических стран [Fodor 2004]. Через сравнение карьерных достижений женщин разных социальных систем (капиталистической и социалистической) учёные обращают внимание на специфические *механизмы* патриархатного доминирования (то есть систематического преимущества мужчин над женщинами), которые действуют в обеих системах.

Капиталистический проект эмансипации встроен в процессы экономического и культурного исключения женщин: они могут добиваться карьеры через принятие норм «идеального работника», сконструированного по мужскому образцу и предполагающего воздержание от репродуктивных обязанностей⁷. Такой способ карьерного продвижения доступен женщинам с высокой классово-позицией (то есть с высоким экономическим капиталом) и при получении ими образования (иначе говоря, с повышением культурного капитала). Социалистический проект эмансипации, напротив, предполагал специальную поддержку женщин и определённые стимулы для карьерного роста, но ограничивал их мобильность в высокие должностные позиции (номенклатуру) через членство в правящей партии. Отсюда делается вывод о том, что капиталистическая система сопряжена с экономическим и культурным исключением женщин, а социалистическая — с политическим. Категория «исключение», или ограничение доступа к ключевым ресурсам, необходимым для социального продвижения, характеризует специфику патриархатного доминирования в различных социальных контекстах. Вовлечение женщин в сферу оплачиваемой занятости и их карьерные достижения рассматриваются в качестве одного из элементов эмансипационного проекта, укоренённого в конкретных материальных условиях. По этому критерию позитивный эффект социалистического эмансипационного проекта оказывается выше, и его предлагается учесть при анализе и регулировании современного рынка труда. Однако остаётся неясным, как предоставление особых условий занятости ведёт к сегрегации и ограничению влияния женщин⁸. Не принимается во внимание и то, что не все женщины хотели работать и делать карьеру в сфере оплачиваемой занятости⁹ и советская эмансипация также граничила с игнорированием опыта женщин по совмещению работы с домашними обязанностями [Ярошенко 2011].

Второй подход представлен концепцией феминизации бедности и исходит из идеи положительного влияния рынка на материальное благополучие, которое может сдерживаться классификационными войнами вокруг гендера [Emigh, Fodor, Szelenyi 1999; Emigh, Szelenyi 2001: 4–12]. Таким образом, феминизация бедности происходит тогда, когда женщины преобладают среди бедных, и это объясняется биологическими, а не социальными причинами. Бедность феминизируется и рассматривается как естественное состояние, например, для «молодых многодетных женщин с низким уровнем интеллекта» [Emigh, Szelenyi 2001: 7]. Часто такие представления поддерживаются мнением о биологической заданности роли женщины, связанной с рождением и воспитанием детей. Делая акцент на культурной составляющей неравенства, авторы концепции феминизации бедности абсолютизируют внешнее влияние классификаций и не учитывают защитные реакции тех, кто является их объектом. Ограничен анализ причин, по которым пол (физические различия) и определённый опыт проживания становятся в условиях рынка источником экономической несостоятельности и ограничения свободы. Но особенно интересно то, что данная концепция не подтверждается фактами о постсоветских трансформациях: статистика и опросы не демонстрируют значимого преобладания женщин среди бедных в постсоциалистических странах, хотя и наблюдается разница в опыте проживания и «производства»

⁷ С критикой неприемлемости такого сценария в силу специфических предпочтений среди женщин выступила К. Хаким [Hakim 1995], позицию и аргументы которой оспаривают исследователи, доказывающие приоритет условий, а не предпочтений [Crompton, Harris 1998].

⁸ Феминистская теория исторического материализма предлагает для ответа на данный вопрос сконцентрировать внимание на изучении способов производства жизни и соответственно на политиках сексуальности, организации сексуальных отношений и любви [Jonasdottir 1988; Lykke 2008].

⁹ В СССР в конце 1970-х гг. образованные женщины из диссидентской среды выступили с радикальной критикой советского эмансипационного проекта и предложили признать материнский труд работой.

бедности. Мужчины без работы или с низкой заработной платой чаще испытывают гендерный стыд из-за неспособности обеспечить семью, несоответствия представлениям о гегемонной маскулинности и неспособности в полной мере участвовать в новом, более «современном» обществе. Женщины, напротив, хотя и испытывают ряд лишений, легче принимают на себя роль «заботящихся», не ощущая конфликта с тем, что рассматривается как «современный» идеал женственности [Fodor 2006]. Иными словами, есть некоторые признаки социального исключения и выстраивания дистанции на основании распространённых представлений о мужественности и женственности. Однако исход классификационной борьбы, в том числе вклад в неё не только гендерных, но и «половых» различий, равно как защитных реакций «снизу», остаётся неясным и, более того, противоположным ожиданиям: чаще социально исключёнными оказываются мужчины, а не женщины.

Сторонники третьего подхода проводят сравнение между разными выгодами, которые получают женщины высшего и среднего классов на фоне представительниц низшего социального слоя. Речь идёт об избирательном влиянии рынка: коммерциализация и профессионализация «заботы», распространение наёмного труда в сфере быта, в частности, ведут к неравному распределению преимуществ: эмансипация (в смысле освобождения от домашних забот женщин в средних и высших слоях) происходит за счёт женщин, которые оказываются внизу экономической стратификации [Hochschild 2005; Здравомыслова 2010]. Более того, доказывается, что женщины среднего класса предпочитают сами управлять своей жизненной ситуацией и не нуждаются в государственной поддержке, недостаточной для покрытия всех расходов, связанных с рождением и воспитанием детей [Бороздина, Здравомыслова, Тёмкина 2011]. И в этом случае тоже не принимается во внимание весь спектр причин, позволяющих женщинам среднего класса быть «прагматичными и рациональными», а также игнорируются предпочтения, стратегии эмансипации и достижения экономической стабильности, вырабатываемые в других социальных стратах. В целом переоценивается значение коммерциализации сферы социальных услуг и возможностей карьеры женщин в условиях саморегулирующегося либерального рынка. Успешная женщина представляется освобождённой домохозяйкой, независимой от быта и стереотипов. Такой подход вновь представляет только одну сторону и не учитывает эффекта защитных практик. В итоге такая позиция не является эмансипационной, поскольку не ориентирована на поиск согласования разных позиций и создание общего интереса.

Таким образом, исследователями признаётся, что рынок стимулирует занятость и экономические притязания женщин. Однако успех женщин на рынке труда связан с отказом от социально ориентированной деятельности, в том числе от репродуктивных обязанностей, либо путём принятия норм «универсального работника», либо через перенесение этой работы на плечи государства или ниже стоящих по положению в обществе женщин. Не вызывает сомнений тезис о том, что социалистический проект эмансипации повышал возможности карьеры среди женщин, но спорна его оценка в части учёта интересов женщин и их опыта решения проблем. В целом не ясно, как повседневный (низовой) активизм меняет действующие структуры неравенств. Несмотря на возрастающее внимание исследователей к культурным предпочтениям и индивидуальным выборам, остаётся дискуссионным то, в какой мере принятые решения, в частности сохранение высокой занятости среди женщин, были результатом свободного выбора, а в какой мере являлись вынужденным шагом. Также нет согласия по поводу того, кому (каким социальным классам) доступна свобода выбора в условиях экономической реструктуризации. Наконец, противоречивы оценки влияния рынка на самочувствие и благополучие женщин.

Феномен «женской работы» в гендерном режиме исключения

Далее я доказываю, что рыночная трансформация усилила гендерный режим¹⁰ социального исключения, а именно вытеснение на социальное дно, институционально организованное исходя из *преоб-*

¹⁰ Гендерный режим, или способ патриархатного доминирования, — институциональная регуляция жизнедеятельности и распределения ответственности за благополучие.

ладающих представлений о том, что должны делать в обществе мужчины и женщины¹¹. И основанием для исключения становится отношение к обслуживаемому «одомашненному» труду, который чаще всего выполнялся и выполняется женщинами¹². Для характеристики особого отношения к труду такого рода я использую термин «женская работа». В широком смысле это категория, которая представляет социально ориентированную деятельность (по социальному воспроизводству), связанную с заботой о других, поддержанием социальных связей и передачей определённых ценностей. В узком смысле это термин, обозначающий специфику данной деятельности, исторически определяемой как работу с низким статусом, низкооплачиваемую и «непроизводительную»¹³.

Одни исследователи считают, что низкая значимость этих видов деятельности — результат культурных предубеждений и приписывания их исключительно женщинам [Emigh, Fodor, Szelenyi 1999; Steinberg, Figart 1999; Emigh, Szelenyi 2001]. Другие доказывают, что такие действия, ориентированные на производство «общего блага», создают преимущества, из которых сложно извлекать прибыль [England 2005: 385–389]. В обоих случаях предполагается, что эти виды труда вознаграждаются обществом, и низкая заработная плата лишь косвенное тому подтверждение. Я полагаю, что в целом оправдание низкой оплаты труда в сфере социального воспроизводства нематериальными формами вознаграждения (общественной защитой, сочувствием или жалостью) — это часть механизма исключения. Труд является условием благополучия и жизнеобеспечения, поэтому экономическое «наказание» определённой трудовой деятельности ведёт к принижению социального статуса тех, кто занимается преимущественно ею, а также к игнорированию их интересов и потребностей.

Социальная политика и повседневные действия людей по поддержанию «бесплатной» деятельности компенсируют разрушительное действие рынка и становятся фильтрами на пути достижения успеха

¹¹ Я рассматриваю исключение как механизм вытеснения на социальное дно, а не как позицию определённой социальной группы. Часто категорию «исключённые» связывают с деклассированными элементами, выпавшими из трудовых отношений. Однако я придерживаюсь традиции, признающей существование разных, исторически обусловленных, форм исключения: например, экономического и социального [Ladanyi, Szelenyi 2006]. Иными словами, исключение необязательно связано с вытеснением из сферы оплачиваемой занятости, а характеризует положение работников с низкой заработной платой или нестабильной занятостью. Другой существенной особенностью исключения является социальная изоляция, осуждение тех, кто не в состоянии самостоятельно решать проблемы и кому не принято помогать. Наконец, третья отличительная черта и основание для исключения — культурная и (или) институциональная изоляция определённого опыта. Таким образом, исключение возможно по разным основаниям. Также считаю, что это понятие обладает эвристическими возможностями для выявления действующих механизмов доминирования и извлечения прибыли. В отличие от категории эксплуатации, предполагающей присвоение прибыли определёнными социальными классами, применение категории исключения наиболее уместно к ещё только возникающим (или к остающимся невидимыми) формам эксплуатации. Исследователи обращают внимание на «форму эксплуатации, которая развивается в отношенческом мире, то есть в мире, где прибыль реализуется посредством объединения разных видов деятельности в сеть» [Болтански, Кьяпелло 2011: 582–697]. Через анализ механизмов исключения я делаю фокус не на сети, а в целом на отношение к нематериальному труду и деятельности в сфере социального воспроизводства.

¹² Конечно, в эту деятельность вовлечены и мужчины, но они также экономически наказываются; а статистическое преобладание в ней женщин свидетельствует о скрытых механизмах иерархического разделения труда по признаку пола, часто связываемых с действием горизонтальной и вертикальной сегрегации. «Женщинам достаются рабочие места, которые считаются менее престижными и менее важными, что отражает низкий статус женщин в обществе в целом» [Хартманн 2005 (1983): 252].

¹³ Развитие философской дискуссии о статусе труда в целом и о различии (не)производительного труда см.: [Арендт 2000]. Непроизводительным считается труд, который является необходимым условием жизни, удовлетворяет лишь постоянно возрастающие жизненные потребности и не производит ничего непреходящего (относительно долговечных предметов или ценностей). Как правило, такой труд приватизирован, ограничен домашним пространством. Труд, освобождённый от необходимости удовлетворять жизненные потребности, становится производительным. В марксизме эмансипация — это освобождение человечества от труда как необходимости. Арендт считает, что Маркс, как и другие мыслители, принижал непроизводительный труд [Арендт 2000: 112]. Сама она отделяет трудовую (производительную) деятельность от созидательной, создающей общественные ценности, и активной, связанной с проявлением субъектной позиции в поле межличностных отношений.

и личного благополучия. Однако, если в их основе также лежит институциональная изоляция и игнорирование значимости определённого опыта, то такого рода компенсация остаётся нечувствительной к различию, воспроизводит сложившиеся иерархии, используя прежние образцы кооперации и солидарных договорённостей. Таким образом, гендерный режим исключения определяется по степени признания того, что неоплаченный обслуживающий труд (домашние обязанности, воспитание детей, разные формы заботы и другие формы эмоциональной работы) считается общественно важной услугой [Ярошенко 2011: 121].

Сравнение советского и постсоветского гендерных режимов ярче обозначает характер влияния институционального регулирования на материальное благополучие и особенности положения женщин в условиях рыночной трансформации в России (см. табл. П1).

Советский гендерный режим отличается институциональная изоляция деятельности, связанной с социальным воспроизводством, через политическое регулирование и контроль над частной жизнью. В основе советского проекта эмансипации — признание «женской работы» незначимой, перекладываемой на плечи государства и общества¹⁴. Освобождение женщин от «домашнего труда» провозглашалось первоочередной задачей государства, что сначала вело к расширению публичного сектора услуг, а затем — к специальной поддержке женщин. Тем самым предполагалось создать условия для экономической независимости женщин, для их вовлечения в рабочую силу и производительный труд. Эмоциональные привязанности, любовные отношения и работа по уходу за другими людьми провозглашались свободными от экономического давления и делом личных предпочтений и желаний. Однако риторика лишь отчасти соответствовала действительности. Работа была обязательной. Производительный труд ценился выше непроизводительного. Занятость в сферах социального воспроизводства ниже оплачивалась, а домашняя работа была преимущественно сферой ответственности женщин. Предложения участниц диссидентского феминистического движения радикально развить политику различия и перевести декларацию в реальную возможность, признав материнство работой, как социальными учёными¹⁵, так и политиками были оставлены без внимания. Иными словами, игнорировался опыт решения женщинами проблем, связанных с признанием женского труда незначимым, с фактическим отсутствием выбора (работать или не работать), с сохранением иерархического разделения труда. Специальная защита женщин и тех, кто воспитывает несовершеннолетних детей, обеспечивала перераспределение материальных благ, но не признание значимости такого труда.

С рыночной трансформацией усиливается экономическое давление на социально ориентированные виды деятельности. Менее конкурентоспособными оказываются те, кто обременён социальными связями и отношениями, не желает отказываться от общественного и (или) бесплатного труда. Формируется рыночная иерархия, низ которой занимают люди, отягощённые социальными обязанностями, не готовые их приватизировать и извлекать коммерческую выгоду. Более того, прежние советские иерархии используются для снижения рыночных рисков. Таким образом, ориентация на личное благополучие, основанная на сугубо экономических интересах, исключает (минимизирует или делает невыгодной) другую важную его составляющую: труд по созданию «общего блага». Рынок и доминирующие в нем

¹⁴ А. Коллонтай в докладе «Коммунизм и семья» подчёркивала, что работа по дому и воспитанию детей делает женщин экономически зависимыми от мужей, а «женщина в коммунистическом обществе зависит больше не от своего мужа, а от своей работы. Она может обеспечивать себя не за счёт мужа, а за счёт своих способностей. Ей больше не надо беспокоиться о своих детях. За них отвечает государство рабочих» [Kollontai 1977].

¹⁵ Х. Хартманн в статье «The Unhappy Marriage of Marxism and Feminism...» («Несчастливый брак марксизма с феминизмом...», 1981) отмечает, что «позиция мужчин по отношению к патриархату и капитализму не позволяет им как признать наличие потребности людей в заботе, сочувствии и помощи, так и обнаружить потенциал для удовлетворения этих потребностей в не-иерархическом, не-патриархатном обществе» [Хартманн 2005 (1981): 260]. Таким образом, фактически признаётся, что классовое равенство в СССР не изменило иерархическое соподчинение занятости и активности в сфере социального воспроизводства.

экономические классы эксплуатируют альтруизм и общественные связи, обесценивают их, с одной стороны, экономя на оплате «непроизводительного», «неквалифицированного», «непрофессионального» труда (внешнее оправдание низкой оплаты труда «недостатками» и (или) «неполноценностью» рабочей силы), а с другой — за счёт перенесения издержек на систему социальной защиты и самозащиты (внутреннее оправдание низкой оплаты труда поиском дополнительных смыслов).

Перенесение на общество ответственности за материальное содержание занятых общественно-полезным трудом предполагает признание такого труда значимым, а также создание определённых условий и правил игры, расширяющих, а не сокращающих свободу выбора в рыночных условиях. Однако этого не происходит. Ниже приведён фрагмент из интервью конца 1990-х гг. — пример низкой оценки «женской работы»:

Тяжело. И не столько физически, сколько морально, это такая работа... тоже не вполне полноценная, постоянно чувствуешь, что можешь делать много, а тут — полы помой, больного проводи... Неудобно знакомым говорить, что санитаркой работаю, ведь специальность есть, профессия, а тут... Много ли надо ума шваброй возить. Хотя, конечно, с людьми общаешься, чувствуешь, что помогаешь, это приятно (4-13-1¹⁶, 1964 г. р., санитарка, уволена по сокращению с мебельной фабрики).

Примечательно, что такая работа описывается как тяжёлая, но не столько в силу тяжести физической нагрузки, сколько в силу невидимости её значимости. Внутреннее оправдание такого незаметного занятия приятным общением, возможностью помочь и «быть нужной» сочетается с чувством стыда и неловкости из-за отсутствия видимых знаков публичного признания (зарплата, престиж, уважение и т. д.). В результате труд представляется «помощью», не предполагающей достойного денежного вознаграждения. Поиск же дополнительных смыслов продолжается за пределами рынка труда:

Женщине главное — дети, семья. Тогда можно и полы мыть, и судно выносить (4-06-4, 1964 г. р., санитарка, в отпуске по уходу за ребёнком).

Иными словами, «помощь» другим и забота о доме все ещё наделяются значимыми смыслами, организующими повседневные практики и стратегии достижения благополучия. Однако вместе с рынком все ярче проявляется их экономическая несостоятельность.

Подводя предварительный итог, следует отметить, что в обоих режимах — как в советском (распределительном), так и в постсоветском (рыночном) формировался феномен институциональной изоляции деятельности, связанной с социальным воспроизводством и общим благом. Если в советское время он поддерживался политическими методами, то в постсоветское — экономическими. При этом следует подчеркнуть, что вместе с коммерциализацией усиливается вклад андроцентричных представлений о труде и благополучии, связанных с переоценкой сферы оплачиваемой занятости (материальное производство) и недооценкой активности по поддержанию сообщества, в том числе — с заниженной оплатой труда в сфере социального воспроизводства. Таким путём прежние иерархии интегрируются в рынок и усиливают неравное вознаграждение за разный труд.

Какие практики складываются на повседневном уровне? Что предпочитают сами женщины и как их выбор отражается на материальном благополучии и на переоценке сфер типично женской занятости?

¹⁶ Первая цифра означает регион, вторая — номер интервью, а третья — стадию исследования.

Динамика стратегий занятости: между долгом и личной выгодой

Для ответа на эти вопросы я сначала проведу сравнение двух стратегий — устойчивых и распространённых практик на рынке труда. Первая связана с уменьшением трудовой нагрузки и занятости женщин либо по советскому образцу, либо по квазитрадиционному сценарию, а вторая — с успешной реализацией в работе, повышением доходов и восходящей трудовой мобильностью. В них женщины по-разному реализуют себя, проявляют личные интересы и распоряжаются имеющимися ресурсами (телом, эмоциями, знаниями, навыками, связями и, наконец, рабочей силой). Но основное отличие связано с подчёркиванием или нивелированием «женского различия», или особого вида опыта¹⁷. Вопрос о «женском различии» является одним из центральных в современной феминистской теории и связан с запросом на эмансипацию и повышением роли субъектного действия, заинтересованного в равных отношениях и сопротивляющегося подавлению [Брайдотти 2000; Fraser 2011]. Меня интересует, каким образом *половое различие* в постсоветских условиях становится основанием для исключения, то есть для вытеснения на обочину материального благополучия и на дно социальной иерархии. При анализе динамики стратегий занятости среди женщин я в первую очередь поэтому рассмотрю то, как рынок вознаграждает труд женщин, как сами женщины реагируют на низкую оплату их труда и какие принимают решения, чтобы разрешить конфликт между высокими трудовыми затратами и низким материальным вознаграждением.

Крайности без самореализации

Следует отметить высокую ценность работы среди женщин. В случае материальной возможности не работать только треть соглашалась ею воспользоваться. А при характеристике «хорошей работы» большинство женщин отмечали, что им хочется работу «по душе и по деньгам». Рассмотрим далее, как две вышеупомянутые стратегии, ориентированные либо на совмещение домашних обязанностей с оплачиваемой работой, либо преимущественно на трудовую карьеру, соответствуют ожиданиям.

Обе стратегии являются развитием сценария «удобной работы», наиболее распространённого к началу 2000-х гг. и соответствующего советской модели взаимной ответственности за обеспечение и женской ответственности за домохозяйство. Специфика такого сценария достаточно чётко отражается следующей цитатой из интервью:

Правда, 300 рублей¹⁸ — смешные деньги, но если работа удобная для семьи (Здесь и далее выделено мною. — С. Я.), то можно и на них продержаться, особенно если муж хорошо зарабатывает. Если мужчина семью обеспечивает, то женщина может себе позволить работать за очень маленькие деньги, если ей эта работа нравится, удовольствие приносит (4-01-1, 1972 г. р., помощница воспитателя детского сада).

¹⁷ Женское различие не является врождённым свойством, а представляет собой определённый опыт, связанный с работой по уходу, заботе, эмоциональному участию и поддержанию социальных отношений. «Этот опыт имеет своим основанием биологическое различие (наши тела способны к деторождению, а тела мужчин — нет), но организован через сложные институциональные опосредования в виде работы по уходу (заботы) и обслуживанию, направленных на конкретных других или группы других» [Смит 2000: 30]. Я разделяю позицию, согласно которой методы патриархатного письма, принятые в позитивистской социологии, затрудняют описание такого опыта, и необходимо искать альтернативы подобному подходу [Смит 2000; Smith 1990]. Также я считаю, что в повседневной жизни люди сопротивляются «общепринятому», сформулированному в интересах привилегированных классов. В опыте и распространённых практиках защиты (сопротивления), в том, как люди действуют и организуют свою жизнь, возникают альтернативные смыслы и нормы.

¹⁸ Официальный прожиточный минимум на момент проведения интервью (I квартал 2000 г.) — около 900 руб.

Материальная составляющая, как правило, не считается значимым мотивом такой занятости. «Смешная» зарплата (в три раза ниже установленного на тот момент прожиточного минимума) компенсируется интересом к работе и, что особенно важно, возможностью совмещения работы и семьи, а также поддержкой мужа. Такой стратегии следовали около половины работающих женщин из числа наших информантов. Она вытекала из закрепления за женщинами функции дополнительного кормильца, ответственного также за ведение домашнего хозяйства. Двойная нагрузка стимулировала ориентацию женщин на «удобную» работу, позволяющую сочетать оплачиваемую работу как источник дополнительного семейного дохода с бесплатной работой по дому. При этом работа подразумевала занятость полный рабочий день, а считалась «удобной» в силу определённых преимуществ, позволяющих экономить время для дома. Это могли быть близость рабочего места к дому, лояльность начальства и хороший коллектив, с которыми можно было договориться о подмене или преждевременном уходе с работы в случае необходимости. В вышеприведённом примере «удобной» названа работа воспитателя детского сада, в котором находился и ребёнок интервьюируемой. Однако очевидно, что сохранение подобной практики занятости всё больше связано с резким — гораздо ниже прожиточного минимума — падением личных доходов. И следует подчеркнуть, что такое обесценивание труда было недопустимо в советское время, когда любая работа, даже непривилегированная, неквалифицированная и ниже оплачиваемая, позволяла сводить концы с концами, а бедность была временной и, как правило, связанной с высокой иждивенческой нагрузкой¹⁹ [Ярошенко 2005]. Таким образом, заработная плата на рабочих местах с прежде «удобной» занятостью существенно снижается и ответственность за обеспечение даже базовых потребностей работниц, необходимых для воспроизводства их рабочей силы, фактически снимается с работодателей. Причём утрата даже этих символических денег грозит дальнейшим снижением семейного и личного благополучия, а потому роль домохозяйки не рассматривается как серьёзная альтернатива занятости.

В результате рыночных реформ повысилась значимость денежного вознаграждения и усилились гендерные конфликты по поводу рассогласования установленных правил распределения обязанностей в семье с возможностями им соответствовать. Исследователи чаще всего пишут о кризисе среди мужчин, особенно из числа бедных, не состоявших в роли «успешных кормильцев» [Ашвин 2003; Ashwin, Lytkina 2004; Лыткина 2004; Fodor 2006; Лыткина 2011]. В данной статье я обращаю внимание на кризис среди женщин, не состоявших в роли «успешных помощниц и (или)/ работающих домохозяек», испытывающих всёвозрастающие трудности в совмещении работы и дома. Ряд исследователей списывает рост трудностей на советский патриархат или на традиционализм женщин, не готовых делиться ответственностью и властью в семье, извлекающих из занимаемой властной позиции определённые преимущества [Лыткина 2004] или, напротив, пользующихся властью «слабых», будучи ограниченными в доступе к «нормальной» власти в обществе [Здравомыслова, Тёмкина 2009: 39]. Я рассматриваю здесь ситуацию на рынке труда и уничижительное отношение к женской рабочей силе и «женскому труду» (к труду, связанному с социальным воспроизводством). Это проявляется как в низкой заработной плате, так и в сдержанном общественном признании той деятельности, которая не считается «производительной». Освобождение от социальных обязательств, от устаревших норм и привязанностей происходит под давлением коммерциализации, вторжения экономических интересов в сферу нематериальных отношений. Роль помощниц (помощников) оказывается в уязвимом положении. В дальнейших рассуждениях я раскрою механизм, при котором игнорирование конкретных качеств женщин как работниц, замалчивание их опыта решения проблем ведёт к исключению.

Женщины готовы зарабатывать больше, но получают вознаграждение несоизмеримо ниже предпринимаемых усилий, не покрывающее издержек, связанных с отказом от дома или с поддержанием отно-

¹⁹ Критерием малообеспеченности считался установленный государством в абсолютном размере уровень среднедушевого совокупного дохода. Семьи, среднедушевой уровень доходов которых не превышал эту величину, получали право на отдельные пособия по малообеспеченности и некоторые специальные льготы [Ярыгина 1994: 28].

шений, не вписывающихся в рыночную логику. Следующая цитата из интервью отражает сложности, с которыми приходится сталкиваться женщинам с «предпринимательской» стратегией:

...И, в общем, меня соблазнили. В общем три месяца меня уговаривали. Мне дали очень большую ставку. Я даже не мечтала о такой заработной плате. Но дома я не была. Ребёнок у меня был пущен на самотёк: как раз 10–11-й класс. Дом у меня был в запустении, потому что в течение многих лет дома я ничего не делала. Я была на работе. Только работа. Всё... (Выделено мною. — С. Я.). Я перестала улыбаться, перестала смеяться (4-23-1, 1956 г. р., завхоз частного предприятия; прежде — инженер-строитель, заместитель начальника по хозяйственным вопросам крупного строительного предприятия).

Предприимчивость в данном случае — это согласие всецело посвятить себя денежной работе. При этом, как подчёркивается в вышеприведённой цитате, повышение доходов автоматически сказывается на сворачивании домашних обязанностей, ограничивает время присутствия дома и в кругу семьи. «Очень большая ставка» описывается как неожиданно высокая плата за полную реализацию в «доходной» работе. Примерно четверть наших респонденток стремились реализовать на таком поприще 10 лет назад. Материальные выгоды становятся для них важным аргументом в сохранении, смене или создании рабочего места. Изменение их приоритетов было обусловлено повышением значимости доходов и в то же время сопряжено с отказом от других важных сфер жизни.

Таким образом, два полярных сценария представляют разные варианты встраивания в рыночную экономику обслуживания. Первый сценарий исходит из признания женского различия, а второй его нивелирует и ориентируется на универсального, как правило, андрогинного работника. Если в первом случае предусмотрено преимущественно нематериальное вознаграждение, то во втором — исключительно денежное. В обоих случаях заработная плата не покрывает затрат и предпринятых работницами усилий. Женственность и «женское различие» (представления о том, что должны делать женщины, а также умения и навыки женщин по ведению домашнего хозяйства, заботе о домочадцах и налаживанию отношений) становятся источником субординации, а не равного включения женщин в социальное оформление рыночных отношений. В первом случае различие становится основанием для обоснования низкой заработной платы, а во втором — источником неудовлетворённости с осознанием утраты самого различия. Работа всё меньше соответствует той идеальной ситуации, когда она «по душе и по деньгам». Растёт дистанция между личными желаниями и реальными возможностями их реализации. Рассмотрим далее, как решается данное рассогласование и какая из стратегий распространяется на практике.

Коммерциализация без дохода (денег)

В начале 2000-х гг. активное, предприимчивое или ориентированное на карьеру освоение сферы занятости я описывала как субъектную реализацию в выборе форм трудовой активности и способов преодоления нужды, которая оказывалась успешной при условии повышения сетевого взаимодействия и перераспределения обязанностей между партнёрами [Ярошенко 2003]. Спустя 10 лет, в 2010 г., несмотря на высокую мобильность, число предприимчивых женщин осталось прежним: одна из тех, кого мы опрашивали, перешла в сетевой маркетинг, две сделали карьеру в сферах культуры и социальной работы, одна продолжала заниматься предпринимательством и две стали специалистами в областях здравоохранения и управления. Остальные заняты на квалифицированных (проводник, продавец, повар) и неквалифицированных (няня, санитарка, уборщица) рабочих местах. На первый взгляд существенных изменений не произошло. Однако это далеко не так.

В таблице 1 представлена дополнительная информация о динамике стратегий занятости женщин из числа зарегистрированных бедных, участвовавших в исследовании. Во-первых, за 10 лет заметно сократилась доля «реализующихся» в публичном секторе: если в 2001 г. там работали примерно две трети наших респонденток, то в 2010 г. — около половины. И, соответственно, выросло число занятых в сфере рыночных услуг. Иными словами, соотношение занятых предоставлением публичных и рыночных услуг поменялось в пользу последних. Во-вторых, вопреки рыночной логике и повышению значимости денежных доходов увеличилась доля работников с низкими доходами и, соответственно, если не снизилась, то осталась неизменной доля тех, кто оценивает своё рабочее место как доходное. Примечательно, что на этом фоне сохранилась и даже преумножилась привычка оценивать доступные рабочие места как удобные.

По сравнению с мужчинами уровень занятости среди женщин выше, как и доля получающих низкую заработную плату. Женщины наравне с мужчинами осваивают рыночный сектор, их представительство там повышается. Но среди занятых в сфере социального воспроизводства женщин по-прежнему больше. С изменением условий меняются и оценки респонденток относительно того, что им нравится или не нравится в имеющейся работе. Преимущество как среди женщин, так среди и мужчин, отдаётся удобству. Довольных доходами единицы, и женщин среди них больше, чем мужчин.

Таблица 1

Динамика стратегии занятости женщин среди зарегистрированных бедных, 2001–2010 гг.
(число опрошенных — в скобках)

Категории	2001 г.		2010 г.	
	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины
Занятые	85% (23*)	60% (16)	81% (17)	72% (13)
С низкой зарплатой**	59% (13)	44% (7)	65% (11)	38% (5)
<i>В сфере рыночных услуг</i>	22% (5)	62% (10)	41% (7)	46% (6)
<i>В сфере социального воспроизводства</i>	70% (16)	25% (4)	47% (8)	15% (2)
Самозанятые	4% (1)	12% (2)	12% (2)	8% (1)
Подработки	52% (12)	69% (11)	41% (7)	54% (7)
Доходная работа***	5% (1)	25% (4)	18% (3)	7% (1)
Удобная работа***	38% (8)	44% (7)	47% (8)	54% (7)
Всего	100% (27)	100% (27)	100% (21)	100% (18)

Примечания:

* Одна — в отпуске по уходу за ребёнком.

** Размер заработной платы меньше половины средней зарплаты по региону.

*** Оценка респондентами.

Итак, в практиках занятости женщин фиксируются следующие тенденции: повышение значимости доходов; постепенный исход в сферу рыночных услуг; сохранение низкой зарплаты и её компенсация удобством. В целом на основании устойчивых практик занятости можно заключить, что среди женщин (как, впрочем, и среди мужчин данной группы) стратегия доходной деятельности остаётся нереализованной и существенно сокращается. Можно предположить, что одновременно со снижением денежных доходов от трудовой деятельности сокращается «жизненная защищённость» — непереносимое условие для повышения свободы выбора, ощущения самореализации, удовлетворённости жизнью и (или) собственного благополучия [Инглхарт, Вельцель 2011: 206]. Но особенно важно то, что ограниченные возможности достойных заработков снижают самодостаточность, перспективы самостоятельного управления личной жизненной ситуацией и увеличивают риск выпадения из общества.

Смыслы и опыт решения проблем: защита без эмансипации?

Далее, через описание «женской работы», а также сравнение того, что не нравится и нравится в низкооплачиваемой занятости, я покажу, каким образом отношение к «женскому различию» проявляется в нормах и правилах социального взаимодействия (поддержания сообщества) и используется для оправдания низкого материального вознаграждения труда в сфере социального воспроизводства. Основное внимание будет уделено женщинам, занятым в социальной сфере: в 2001 г. таких было 16 чел., а в 2010 г. только восемь ещё продолжали работать в социальной сфере. Среди них есть как управленцы, специалисты, так и работницы, занятые на квалифицированных и неквалифицированных рабочих местах.

Приватизация заботы и отчуждение

Первый способ оправдания такой занятости среди женщин я назвала «*приватизация заботы и отчуждение*». Отличительной её особенностью являлась готовность на низкооплачиваемую и малопрестижную работу из-за осознания необходимости «быть нужной» и невостребованности на рынке труда («*у меня же специальности никакой*»). Конфликт между личным желанием, трудовым вкладом и его низким материальным вознаграждением решается за счёт усиления прагматических соображений и перенесения интереса в частную сферу.

Такой подход был распространён среди сокращённых работниц различных предприятий промышленности (мебельная и швейная фабрики) или сферы услуг (швейбыт, трест столовых и ресторанов): около половины женщин из числа наших информанток (13 из 23 занятых) перешли в сферу социального обслуживания в процессе экономического реструктурирования их предприятий в 1990-е гг. И большая часть из них была не удовлетворена доступной им работой.

Рынок труда обесценил их рабочую силу, которая была уже не востребована на прежних рабочих местах в силу сокращения рабочих мест («*бухгалтер стала совмещать мою должность*») или ликвидации предприятий («*трест столовых ликвидировали, и нам сказали искать работу какую-либо*»). Работа же санитарок или социальных работников не воспринимается как что-то исключительное, то, что можно делать, лишь обладая определёнными качествами и навыками, которые дорогого стоят. Напротив, такой труд ассоциируется с утратой квалификации и профессионального статуса: «*Конечно, ниже, там я была специалистом*» (Здесь и далее выделено мною. — С. Я.). *Я себя увереннее чувствовала. Никогда не думала, что буду уборщицей*» (4-55-2, 1951 г. р., санитарка; прежде — рабочая мебельной фабрики). Приводятся и другие аргументы, демонстрирующие низкий престиж работы по обслуживанию: «*Не знаю, что есть хуже того, чем я занимаюсь. Я ведь грязь убираю*» (4-55-2, 1951 г. р., санитарка). «*Покойников даже возим, что ещё может быть хуже*»; «*У врачей ставки высокие, а что мы, поломойки, получаем?*» (4-47-2, 1952 г. р., санитарка); «*Стыдно признаваться, что я работаю уборщицей*» (4-57, 1955 г. р., уборщица); «*У нас считается социальный работник — это уборщица. Это не служащий — это рабочий класс*» (4-21-4, 1960 г. р., заведующая отделением социальной помощи).

Несмотря на разные доводы, общим является признание выполняемых работ малопривлекательным, унижительным и даже постыдным занятием. Если унижительное отношение к труду санитарок не требует обоснования, то в качестве аргументов, удерживающих от высокой оценки социальной работы, приводятся ссылки на официальные документы: «*Эта квалификация идёт по должностной инструкции. Она (Работница. — С. Я.) выполняет, допустим, работу: поспособствовать там, помочь, принести, убрать, помыть, то есть как рабочая, как уборщица*» (4-21-4, 1960 г. р., заведующая отделением социальной помощи). В интервью, помимо низкой квалификации, обсуждается вспомогательный статус социальной работы. При этом в перечень работ вносятся как физические действия («принести»,

«убрать», «помыть»), так и те, которые предполагают участие и определённую социальную компетентность («посодействовать», «помочь»). Даже наличие специального образования и более высокой должностной позиции не позволяет переоценить значимость этих качеств, усомниться в обоснованности подобной оценки. Наконец, ещё одно часто встречающееся оправдание низкой оплаты труда в сфере социального воспроизводства — видимая его лёгкость и меньшая производительность. В отличие от занятости в сфере производства, где «*мебель рождалась на глазах*» (4-13-1, 1964 г. р., санитарка), вклад обслуживания неочевиден, а потому такой труд не считается серьёзным и значимым, требующим особой квалификации, знаний, навыков или умений. Итак, в оценках женщин, вынужденных трудиться в социальной сфере и недовольных доступной им работой, подчёркивается её невысокий статус в обществе. Низкая заработная плата оправдывается минимумом предъявляемых требований к квалификации, профессионализму и мастерству, имеющимся ресурсам и компетенциям.

Уже в ходе работы рассогласование между предпринимаемыми усилиями и их публичным признанием переосмысливается. При характеристике трудового процесса женщины в деталях описывали многочисленные обязанности: помыть, убрать, привести в порядок, покормить, поддержать, вдохновить, составить отчёты. В перечислениях дел, выполненных в течение трудового дня, работа по уходу совмещалась с работой по эмоциональной поддержке. Тяжесть такой работы признается и вербализуется:

Плохо, что умирают. Я всё через себя пропускаю (4-55-3, 1951 г. р., санитарка); *Там дети больные, поэтому, конечно, тяжело работать* (4-27-3, 1968 г. р., санитарка);

Вредная работа. Боюсь каждый день заразиться, получить хроническую болезнь (4-21-2, 1960 г. р., заведующая отделением социальной службы);

С нашим контингентом тяжело работать — тяжело морально... Клиентов жалко: ну, что? Мы их приняли на ночь, и всё (4-21-4, 1960 г. р., заведующая отделением социальной службы);

Я думала, что у нас плохо живут, но не думала, что настолько. Брошенные старики, неухоженные. Так тяжело, я так переживаю и нервничаю (4-24-3, 1965 г. р., социальный работник);

Вообще тяжёлые больные всё забирают, всё забирают (Энергию. — С. Я.)... *Сутки работаем, просто сами от усталости падаем* (4-55-5, 1951 г. р., санитарка, работающая пенсионерка).

Интенсивность и напряжённость труда, совмещённого с беспокойством и заботой о других, передаётся через описание ухудшающегося здоровья:

Всё надо было чистить, мыть, убирать. Я стала болеть. Я по два раза в месяц стала выходить на больничный, мне стало тяжело (4-47-1, 1952 г. р., санитарка);

Опереться не на кого. Здоровье стало барахлить. Я там практически днём и ночью была (4-21-5, 1960 г. р., повар о работе заведующей социальной службой).

Дисбаланс между затратами и восполнением рабочих сил отражается на самочувствии и ощущается физически.

Несоразмерность зарплаты трудовому вкладу и несправедливость такого вознаграждения осознаётся и осуждается. Фактические доходы от такой работы сопоставляются с доходами при отсутствии работы:

Если сравнивать с тем, что мы раньше получали, это, конечно, ничего по сравнению с тем, что мы получали на фабрике. А если в последнее время, когда мы уже не работали, то примерно такая же, да. В последнее время мы так и получали (4-55-2, 1951 г. р., санитарка).

В то же время признаётся, что «с деньгами-то уверенней себя чувствуешь» (4-55-3, 1951 г. р., санитарка). В целом отмечается сокращение возможностей управлять жизненной ситуацией с помощью работы:

Тут зарплата у меня 130 (Рублей. — С. Я.)²⁰ сейчас, оклад, так вот что на эти деньги купить? Один-два раза в магазин выйти, и как хотите, так и живите... В СОБЕС идёшь, и спрашивают: а как же вы живёте на эти деньги? А как? Не умеете платить, так и живём. Что мы можем сделать: мы же сами себе не добавим? (4-27-1, 1965 г. р., работница в школьной столовой).

На этом фоне вырабатываются определённые правила, с одной стороны, повышающие самооценку, а с другой — регулирующие расход ресурсов и способствующие их переводу в значимую деятельность. Радикальным способом решения проблем является увольнение и переход на другую работу. Лишь ограниченные возможности на рынке труда удерживают людей на месте:

Очень сложно (Найти работу. — С. Я.). Даже уборщицей устроиться сложно. Все места заняты. А впрочем, на 300–400 рублей можно найти место уборщицы на целый день. Но мне нужно на 2–3 часа (4-55-2, 1951 г. р., санитарка).

Предпринимаются также попытки обсуждения с руководителями условий труда или выполнения работы сверх должностных обязанностей:

Нет к рабочим ни уважения, ни желания облегчить жизнь рабочим, даже на собраниях разговор ведётся только в повелительном тоне. Никакие проблемы работников не выслушиваются. Уже всех запугали до такой степени, что люди боятся на больничный выйти. Полное бесправие (4-57-2, 1955 г.р., уборщица).

Более доступным и реальным способом снижения физических нагрузок и эмоционального напряжения становится повышение самоконтроля:

Я стараюсь себя регулировать, что толку нервничать, я стараюсь контролировать себя (4-55-5, 1951 г. р., санитарка, работающая пенсионерка).

К похожей инструментальной технике относится и выстраивание дистанции через вербализацию личного интереса:

Поначалу в социальной службе я всё на себя брала, всю боль человеческую, почему я и пыталась потом уволиться. Это невозможно. Ты и этому человеку не поможешь, и себе. Поэтому я абстрагируюсь. Не знаю, хорошо это или плохо. Потому что психика — это как компьютер. И память моя, как у акулы: то, что не нужно, выбрасывается. Я эту информацию получила, переработала, она мне не нужна, и я этот файл не загружаю. Правда, бывает ощущение,

²⁰ Прожиточный минимум в III квартале 1999 г. составлял 917 руб., а средняя заработная плата — 1993 руб.

что начинается старческий маразм, что я всё забыла, всё не запоминаю. Нашла методику, проверила по ней себя: всё в порядке, с памятью всё нормально, просто память избирательна (4-24-5, 1964 г. р., заведующая социальной службой).

Смена отношения к работе описывается через отстранение от запросов других людей, через минимизацию сопереживания и формализацию процесса предоставления услуг. Подобная установка совпадает с общей стратегией приватизации заботы, присвоения сочувствия и избирательного эмоционального участия, перенесения усилий в частную сферу. Работа становится приложением к другой, более значимой, деятельности за пределами рынка труда:

Коллектив устраивает и работа устраивает, всё-таки отработала свою смену и дома двое-трое (Суток. — С. Я.), уже что-то могу сделать, что-то спланировать, тем более у меня дача... (4-55-3, 1951 г. р., санитарка).

В итоге человека устраивает то, что такая работа позволяет ему совмещать доходную деятельность с заботой о доме и об остальных членах семьи.

В целом переход в социальную сферу оценивается как нисходящая социальная мобильность, сопряжённая со снижением квалификации, профессиональной репутации и, соответственно, доходов и служебного положения (понижение в должности). Ощущение утраты достойного положения в обществе, сокращение общественного признания компенсируются перераспределением усилий между работой и домом, между «близкими» и «далёкими», а также перенесением интереса и направлением имеющихся ресурсов в частную сферу. Постепенно выстраивается дистанция между работой и значимой деятельностью за её пределами, невостребованные навыки приватизируются, распределяются по разным корзинам и избирательно используются.

Служение в ожидании признания и изоляции

Второй способ обоснования низкооплачиваемой занятости в социальной сфере я назвала «*служение в ожидании признания*». Отличительными его особенностями является фокусирование на привлекательных сторонах работы с людьми и для людей, обоснование необходимости особых умений для этого и готовность их вкладывать в общезначимое дело. Различные формы нематериального вознаграждения и малейшие признаки публичного признания становятся значимым основанием для подтверждения важности выполняемой работы, прилагаемых усилий и имеющихся ресурсов. Рассмотрим далее, каким образом такая установка встраивается в механизм социального исключения.

Примерно треть занятых в социальной сфере женщин из числа наших информанток подчёркивали привлекательность такой работы. Часть из них начала свою трудовую карьеру в этой области ещё до экономической реструктуризации, остальные пришли на её волне и задержались. Большинство (10 из 23 занятых) трудились здесь на протяжении длительного времени. Нематериальные составляющие трудовой активности наделяются ими особым смыслом и представляют собой значимые жизненные ценности. Следует отметить, что стремление оправдать нематериальными преимуществами низкооплачиваемые рабочие места часто встречалось и среди работниц, вынужденных работать именно там и недовольных доступными условиями. Как правило, подчёркивалось, что не в деньгах счастье:

Лучше работать, человек должен жить в обществе, хоть пообщаться, посмеяться. С деньгами же не поговоришь, правда? Нас в отделении несколько санитарок, все, конечно, небогатые, но я точно знаю, что работают все не только за кусок. Человеком себя почувствовать даёт работа, причём работа всякая, а мы чистоту наводим, больным помогаем (4-6-1, 1964 г. р., санитарка).

Однако именно среди довольных и длительное время сохранявших эту занятость информанток ярче всего проявляется то, как специфические качества, которыми обладают конкретные женщины и которые инвестируются ими в малооплачиваемое дело, обесцениваются, становятся ресурсом, а не потенциалом или реализованной возможностью.

При характеристике работы, связанной с заботой о других, женщины обращали внимание на связи и отношения, которые возникают или поддерживаются при этом. Нематериальная отдача труда ощущается и переживается ими. В частности, описание рабочего дня и выполняемых работ было заряжено позитивными эмоциями: «удовольствием», «любовью», «удивлением», «интересом»:

Я очень люблю маленьких смотреть, как рождаются... Вот сколько работаю, а интерес (Здесь и далее выделено мною. — С. Я.) не угас. Всегда воспринимаю это как чудо (4-41-4, 1960 г. р., санитарка);

Я же в социальной сфере хоть мир увидела, какой он, как люди живут, сколько можно было интересных людей посмотреть. А там (Поваром. — С. Я.) однообразная работа... Ни людей, ни жизни не видела. А в социальной сфере я уже увидела (4-21-5, 1960 г. р., ныне повар и работающая пенсионерка, а прежде — заведующая отделением социальной помощи);

В общем, я присматривалась к пожилым. И потом они сами ко мне тяготели. И в Питере, когда я жила, со мной бабушки любили разговаривать. И почему-то меня к этой категории стало больше тянуть (4-24-5, 1965 г. р., заведующая отделением социальной службы).

Инвестиции в связи и человеческие отношения не воспринимаются как бесполезное или низкостатусное занятие. Напротив, подчёркивается, что можно многое «увидеть» и «посмотреть», если «присмотреться». Особое место в рассуждениях отводилось социальной составляющей такой деятельности: «чувствовать себя человеком», «общаться», «помогать», «работать с людьми»:

Мне нравится, что с людьми... Пообщаешься, поговоришь всегда, поможешь; хорошая работа (4-06-1, 1964 г. р., санитарка);

Я считаю себя на своём месте. Мне интересно с людьми работать (4-21-3, 1960 г. р., заведующая отделением социальной помощи);

Я ведь всё время хотела быть врачом. С детства тянуло к лекарствам, хотелось кого-то лечить, кому-то помогать... Это как потребность души (4-24-1, 1965 г. р., воспитатель дошкольной гимназии).

Положительная оценка работы даётся в терминах не экономической, а социальной эффективности, в которой образцом отношений является взаимность и приращение социального:

Конечно, с людьми общаешься, чувствуешь, что помогаешь, это приятно (4-13-1, 1964 г. р., санитарка);

Я вижу эту работу, я чувствую, что я нужна и чувство недоделанности на своём месте (4-21-4, 1960 г. р., заведующая отделением социальной помощи).

Работницы подчёркивали также необходимость определённых умений, которые требуются для работы в социальной сфере:

Надо уметь ладить с людьми (4-27-1, 1968 г. р., санитарка);

Не только чистоту, тело поддерживать, но и душу (4-13-5, 1964 г. р., санитарка);

Доброта, сочувствие обязательно, эта вот эмпатия чтобы была развита и бескорыстие, потому что за такую зарплату только такой человек может работать (4-24-5, 1965 г. р., заведующая отделением социальной службы).

Социальная компетентность, умение налаживать отношения с людьми, сочувствие и готовность вникнуть в положение другого человека представляются важными, необходимыми для работы навыками. Однако эти качества рассматриваются как добродетель, не предполагающая корысти или материального поощрения. Их наличие требуется, скорее, для оправдания низкой оплаты труда, чем для повышения значимости имеющихся компетенций. Примечательно, что обладателей таких навыков чаще ассоциируют с женщинами старших поколений.

Разница между вкладом и его низкой материальной оценкой обсуждается работницами, обеспокоенными их несоразмерностью:

Стыдно, работа есть, а денег нет (4-21-5, 1960 г. р., повар, в прошлом — заведующая социальной службой);

Памятники золотые надо ставить тем, кто заботится (4-55-5, 1951 г. р., санитарка);

Я считаю, что за нашу работу нам должны платить 3000. А у меня сейчас только 1200 где-то выходит. Вот только в этом месяце вышло 1500 рублей²¹. У нас в детском нашли инфекцию, так роддом закрыли, мы целую неделю все до потолка заливали дизрастворами, работали без выходных... Сейчас и заработная плата меня устраивает. Кого ни спрошу, у всех меньше, чем у меня. В магазине получают меньше, чем у меня. А вообще в родильном отделении высокооплачиваемая работа по сравнению с другими. Другие санитарки получают в два раза меньше меня (4-41-4, 1960 г. р., санитарка).

Несоответствие трудового вклада материальному вознаграждению осознаётся, и даже приводятся вполне убедительные доводы о несправедливости как общих, так внеурочных расценок работ. Но при сравнении с ещё более низкой оплатой в других доступных местах звучит убеждённая уверенность в том, что это не самые плохие условия труда. Спустя ещё несколько лет, в условиях уже провозглашённой экономической стабилизации, ситуация с оплатой труда и признанием квалификации не только не улучшилась, но и ухудшилась:

И вот уже пятый год работаю. А квалификация с каждым разом всё ниже и ниже. Уже куда ниже санитарки-то, на панель. Вот только в оперблоке учить надо, какими растворами заливать что (4-41-4, 1960 г. р., санитарка);

И, конечно, я устала: уже шестой год пишу на двух работах. Я устала, что никак концы с концами свести не могу. <> Я и на субсидии всегда стояла. Это унижительно (4-21-4, 1960 г. р., заведующая отделением социальной помощи).

Появляются дополнительные мотивы для сомнения в том, что оплата труда не соответствует реальному вкладу. И все призрачной надежды на признание:

²¹ Прожиточный минимум в III квартале 2001 г. составлял 1826 руб., а средняя заработная плата — 4104 руб.

У нас тариф 1580, а было 4340. Как бы Москва это указание как бы дала. И неправильно. Пашем, пашем и 5000 получаем. С такой грязью работаем — и 5000²². Да ещё с такими большими... Нам денег не заработать. Нам большую зарплату платить никто не будет. Сколько пашем, а что нам платят? Копейки (4-55-5, 1951 г. р., санитарка на пенсии);

*Да. Мне и сейчас работа нравится. Меня до сих пор все уважают. Всё мне нравится. Всё мне нравится. Нормально. Просто мне не нравится, **что стали платить меньше** (Здесь и далее выделено мною. — С. Я.). Чем раньше было, **теперь меньше**. Теперь мы пишем бумаги. Ну, как бы в судебные инстанции, что нам раньше больше платили. А сейчас как? Путин сказал поднимать, поднимать, поднимать зарплату. У нас, наоборот, **становится меньше**. Сейчас мы пишем бумагу, чтоб нам вернули эти деньги. Какой оклад должен быть и какие должны быть доплаты? Потому что **такое нереально**. В прошлом году за январь заработала 10 тысяч рублей, а в этом году за тот же январь, **за большее число смен, в два раза меньше**. Да что это такое? Будем разбираться. Загибают зарплату (4-41-5, 1960 г. р., санитарка).*

По-прежнему работа нравится, хотя внешних стимулов для поддержания такого интереса нет, и ожидание признания теряет смысл.

Для выстраивания баланса между затратами и вознаграждением также вырабатываются определённые правила. Во-первых, низкая заработная плата компенсируется нематериальными составляющими труда, то есть благодарностью опекаемых людей, поддержкой коллектива или поощрением со стороны руководства. Во-вторых, выстраиваются горизонтальные отношения в коллективе:

Да, довольна. Можно было и выше идти, приглашали на повышение, в управление, но я не пошла. Мне мой коллектив нравится. Это как моя вторая семья. У нас такая работа, которая сплачивает. Конечно, денег не хватает... (4-24-5, 1965 г. р., заведующая отделением социальной службы).

Возможность посоветоваться и совместно обсудить возникающие в ходе работы трудности ценится и поддерживается. Такой командный подход в работе считается важным преимуществом, которое утрачивается с переходом на высокие должности.

В-третьих, признаётся важность открытого обсуждения проблем, хотя всё меньше ожиданий быть услышанными:

У нас руководство любит лезть, чтоб его расхваливали, а правду не любит. Ни одно начальство не любит правду, она ему не нужна... Я умею отключаться, уже по жизни научилась. Хоть мне и хреново, я виду не подаю. Если что-то не по закону, я сразу всё говорю. Мне всё по... Ну, когда как. Когда промолчишь, потому что по... А иногда скажешь, потому что тоже по... (4-55-5, 1951 г. р., санитарка).

В целом растёт изоляция и сокращается число желающих работать на таких условиях. Отказ от заботы становится распространённой социальной нормой в условиях коммерциализации:

Никто не ухаживает. Вообще, ухаживают только единицы: один человек из тысячи. Просто никто не ухаживает, бросят и всё. Приедут, навестят, уедут. А им уход нужен. Все заняты, все деньги сейчас зарабатывают (4-55-5, 1951 г. р., санитарка).

²² Прожиточный минимум в III квартале 2010 г. составлял 7384 руб., а средняя заработная плата — 23 988 руб.

В итоге работников устраивает, что их занятость позволяет, хотя и в ограниченной мере, ощущать личную значимость, оставаться включёнными в социальные связи, ориентированные на взаимность.

Таким образом, следует заключить, что специфика труда, нагруженного моральными обязательствами и регулируемого прежде общественными нормами, стандартами социальной, а не экономической эффективности, проявляется в подвижных границах между трудом и поступком, между работой и помощью. В условиях экономического принуждения необходимость распространяется не только на сферу труда (работы), но и на сферу моральной и индивидуальной ответственности, что существенно ограничивает возможности управлять рабочей и жизненной ситуацией и сокращает свободу выбора. Ожидание подкрепляется поначалу значимыми внешними стимулами, то есть низкой, но стабильной зарплатой, льготами и гарантиями, условиями труда (чисто, красиво), режимом, уважительным отношением в коллективе, моральным поощрением и признанием труда. Однако без материального подкрепления это ведёт к разочарованию — и часто в себе, а не в системе.

Личное благополучие без различия

Рассмотрим далее, как стратегии занятости женщин отражаются на материальном благополучии. Выше я уже отмечала, что больше половины женщин получают заработную плату в два раза ниже средней по региону. Между тем их личные доходы несколько выше и часто включают также различные социальные выплаты.

На основании личных доходов, статуса занятости и данных о размере прожиточного минимума и средней заработной платы по региону²³ при анализе данных за 2001 г. по достигнутым результатам на рынке труда, были выделены следующие категории²⁴:

- «успешные» — с личными доходами выше средней заработной платы по региону;
- «выживающие» — с личными доходами ниже средней оплаты труда, но выше прожиточного минимума;
- «бедные» — с доходами ниже прожиточного минимума;
- «исключённые», безработные или экономически неактивные — с доходами ниже прожиточного минимума.

В силу того, что величина прожиточного минимума в 2001 г. составляла почти 45% средней зарплаты, а в 2010 г. снизилась до 30%, для 2010 г. использовалась сконструированная величина прожиточного минимума, составившая половину средней заработной платы по региону. Данные о динамике личного благополучия представлены в таблице 2.

²³ Для расчётов использована доступная на сайте Госкомстата РФ информация о среднемесячной номинальной начисленной заработной плате работников организаций в 2010 г. [Регионы России... 2010].

²⁴ Описание категорий см.: [Ashwin 2006: 17–18].

Таблица 2

Динамика личного благополучия среди бедных, 1999–2001 и 2001–2010 гг.
(по объективным показателям успеха на рынке труда)

Категории	2001 г.		2010 г.	
	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины
«Исключённые»	16% (4)	27% (6)	15% (3)	22% (4)
«Бедные»	52% (13)	32% (7)	30% (6)	33% (6)
«Выживающие»	20% (5)	27% (6)	50% (10)	28% (5)
«Успешные»	12% (3)	14% (3)	5% (1)	17% (3)
Всего	100% (25)	100% (22)	100% (20)	100% (18)

Примечание: в скобках — число опрошенных.

Итак, доля «исключённых» на протяжении 10 лет остаётся относительно неизменной, и среди мужчин она выше, чем среди женщин. В принципе, это вполне согласуется с логикой экономической реструктуризации занятости и с тем, что в первую очередь сократилась сфера производства — место преимущественной занятости мужчин. В свою очередь, развитие сферы услуг, где с советских времён концентрация женщин была выше, создало лучшие условия для сохранения рабочего места или перехода в этот сегмент рынка труда. Очевидно, наследие реального социализма обеспечило женщин относительными преимуществами. Женщины предпочитают работать, они ориентированы на экономическую независимость. Однако преобладание женщин в категории «выживающие», а также их сокращение в категории «успешные» демонстрируют барьеры к достижению личного благополучия с помощью работы и, в конечном счёте, свидетельствуют о пределах для самореализации. Следует также подчеркнуть, что у половины наших информантов личное благополучие не предполагает заботу о ком-то ещё. Их доходы обеспечивают только собственное существование. Наконец, среди занятых женщин низкие доходы в два раза чаще, чем у мужчин, компенсируются различными социальными выплатами.

Заключение

Рассуждения о свободе выбора, самореализации и нематериалистических ценностях без анализа конкретных условий, а также того, кому именно доступны реальные возможности выбирать без риска выпадения из общества, остаются абстрактными декларациями.

Развитие сферы услуг и рыночной экономики обслуживания способствует превращению заботы в товар и распространению рыночной логики на сферы, которые прежде регулировались общественными нормами и институциональными договорённостями. Как и 200 лет назад, при создании первых национальных рынков труда, формирование рынка услуг требует отмены регулирования этой области. Однако рыночная, сугубо экономическая логика, основанная на индивидуальном эгоизме и личном благополучии, разрушительна для общества. И если в XIX веке реакцией на негативные последствия саморегулирующегося рынка было установление общественного контроля над стоимостью рабочей и (или) производительной силы и доступом к средствам материального существования, то в XXI веке на повестке дня стоит вопрос об организации общественного контроля над стоимостью «заботливых» и (или) воспроизводительных сил и доступом к средствам социального воспроизводства.

Феминистская теория, на мой взгляд, далее всего продвинулась в понимании того, как происходят изменения в этой области, а потому она более продуктивна в анализе последствий рыночного давления на сферу заботы, на положение мужчин и женщин и того, какие формы регулирования могут предотвратить распад общественных связей и выпадение из общества. В связи с этим особый интерес представляют результаты исследований социальной и гендерной трансформации в постсоциалистических

странах. В них доказывается, что не только класс (экономические интересы), но не в меньшей степени и политика вокруг гендера и сексуальности определяют возможности карьеры и риски исключения из общества как женщин, так и мужчин.

В данной статье предпринят анализ положения женщин на рынке труда через изучение динамики устойчивых практик занятости и их влияния на материальное благополучие и, что особенно важно, на возможности заниматься значимой деятельностью по поддержанию социальных связей, заботе и сочувствию.

Динамика стратегий занятости среди женщин демонстрирует их высокую ориентацию на работу, готовность зарабатывать больше и быть экономически независимыми. Однако ориентация на доходную деятельность сдерживается возможностями заработка на доступных местах. И переход женщин в рыночную сферу услуг, как свидетельствуют устойчивые практики занятости, не способствуют повышению заработной платы. В целом сокращаются возможности женщин управлять жизненной ситуацией с помощью работы. Об этом свидетельствует и динамика личного благополучия, согласно которой женщины все больше преобладают в категории «выживающие», и все меньше из них тех, кто остаётся в категории «успешные». Симптомом негативного влияния рынка на общественные связи является следующее: более половины наших респондентов не могут заботиться о ком-то ещё, кроме самих себя; среди занятых женщин низкие зарплаты компенсируются различными социальными выплатами. Это свидетельствует о том, что распространение товарных отношений на нематериальные формы труда, связанные с сочувствием, заботой, поддержанием социальных отношений, сопровождается, с одной стороны, снижением заработной платы, а с другой — перенесением ответственности за обеспечение работников с работодателя на сообщество.

Меняется гендерный режим исключения, или механизм патриархатного доминирования. В советское время специальная поддержка женщин стимулировала их включение в сферу занятости и минимизировала влияние половых различий на трудовую карьеру. В то же время происходила сегрегация женщин в отраслях социального воспроизводства и сохранялась ответственность женщин за ведение домашнего хозяйства. В рыночных условиях особая позиция женщин в сфере производства и домохозяйства становится ресурсом выживания и источником извлечения прибыли.

Феномен «женской работы» заключается в том, что она нагружена социальными обязательствами и моральными императивами. Низкая экономическая оценка деятельности в сфере социального воспроизводства происходит за счёт игнорирования реальной стоимости «непроизводительного труда», которая перераспределяется в пользу определённых экономических (доминирующих) классов с помощью игры с материальными и нематериальными формами вознаграждения.

На уровне социальной политики проходят игры с расчётом прожиточного минимума, установлением крайне низких тарифов на минимальную заработную плату и размер детских пособий. Минимизация участия государства в регулировании трудовых отношений и избирательность социальной политики приводят к тому, что труд за деньги совмещается с трудом по совести, и это облегчает процесс извлечения прибыли. На уровне практик занятости идёт поиск дополнительных смыслов и способов решения противоречия между вкладом и его материальной компенсацией. Одни работницы приватизируют имеющиеся навыки и избирательно их применяют, а другие продолжают ожидать признания. Значимость нематериального вознаграждения (признание, уважение, взаимная ответственность) осложняет переговоры о повышении заработной платы снизу. Ориентация на личное благополучие и личную выгоду не предусматривает высокого экономического стимулирования нагруженной моральными императивами деятельности, особенно если их не разделяешь. Двойственное отношение к «бесплатной работе» осложняет не только переговоры по поводу её стоимости, но и достижение согласия

относительно её значимости. Всё меньше желающих заниматься заботой и поддержанием сообщества. Лишь ограниченные возможности на современном рынке труда удерживают женщин, но, в принципе, они готовы расстаться с тяжёлым «женским трудом» при любом подходящем случае.

Таким образом, в контексте распространения товарно-денежных отношений на сферу социального воспроизводства выстраивается режим исключения, имеющий своими составными частями следующие элементы:

- приватизация невостребованных навыков и их избирательное применение;
- использование в качестве ресурса женственности и социальных компетенций, необходимых для деятельности по налаживанию социальных связей и заботе о других;
- изоляция опыта тех, кто ориентирован на поддержание отношений и закрепление дистанции через низкую оплату их труда;
- ограниченное влияние на процесс принятия решений.

Приложение

Таблица III

Динамика (не)зависимости женщин от мужской ответственности за обеспечение семьи и от оплачиваемой занятости, по странам, %

Характеристики моделей	СССР		РФ	
	1980 г.*	2000 г.	2010 г.	
Доля женщин среди занятых в экономике, %	48	48	49	
Средняя заработная плата женщин в отношении к зарплате мужчин, %	0,70	0,63	0,64	
Соотношение прожиточного минимума и средней заработной платы, %	0,44	0,54	0,27	
Размер детских пособий	10% зарплаты (для малообеспеченных)	< 4% зарплаты (для нуждающихся)	40% зарплаты (для работающих); < 10% зарплаты (для неработающих)	
Уровень безработицы среди женщин (мужчин), %	0	9,4 (10,2)	6,8 (7,9)	
Доля женщин (мужчин) среди всего населения с доходами ниже прожиточного минимума, %	10	16,8 (15,0)	11,3 (9,9)	
Среднедушевой доход по паритету покупательной способности (<i>purchasing power parity, PPP</i>) для женщин (мужчин), долл. США***	Нет данных	Доступны данные за 2006 г.: 7,302 (11,429)	11,675 (18,171)	
Доля женщин (мужчин) среди руководителей, %	Нет данных	36 (64)	38 (62)	
Доля женщин (мужчин) в парламенте, %	32,8 (67,2)	10 (90)	14 (86)	
Политическое регулирование родительства и поощрение женской занятости	С начала 1920-х гг. государство поощряет женскую занятость и её совмещение с домашними обязанностями	С середины 1990-х гг. происходит либерализация социальной политики	С середины 2000-х гг. адресная социальная политика совмещается с усилением контроля над репродуктивной сферой	
Трансформация модели	Двойная ответственность за обеспечение семьи и женская ответственность за домашнее хозяйство			

Примечания:

* Статистические данные о ситуации в СССР см.: [Женщины в СССР 1981; Груздева, Чертихина 1983; Народное хозяйство СССР... 1991].

** Статистические данные о ситуации в РФ см.: [Женщины и мужчины России 2000; Женщины и мужчины России 2010].

*** См.: [Hausmann, Tyson, Zahidi 2006: 119; Hausmann, Tyson, Zahidi 2010: 260].

Литература

- Арендт Х. 2000 (1960). *Vita activa, или О деятельной жизни*. СПб.: Алетейя.
- Ашвин С. 2000. Влияние советского гендерного порядка на современное поведение в сфере занятости. *Социс*. 11: 63–72.
- Ашвин С. 2006. Гендерная солидарность против экономических трудностей. Влияние советского наследия. *Социс*. 4: 57–68.
- Болтански Л., Кьяпелло Э. 2011. *Новый дух капитализма*. М.: Новое Литературное обозрение.
- Бороздина Е., Здравомыслова Е., Тёмкина А. 2011. Материнский капитал: социальная политика и стратегии семей. *Гендерные страницы*. URL: <http://genderpage.ru/?p=481>
- Брайдогги Р. 2000 (1994). Различие полов как политический проект номадизма. В сб.: Здравомыслова Е., Тёмкина А. (отв. ред.). *Хрестоматия феминистских текстов*. СПб.: Дмитрий Буланин; 220–250.
- Буравой М. 2000. Великая инволюция: Реакция России на рынок. *Рубеж*. 15: 5–35.
- Гонтмахер Е. et al. 2011. *Обретение будущего: Стратегия 2012. Конспект*. М.: Экон-Информ.
- Груздева Е. Б., Чертихина Э. С. 1983. *Труд и быт советской женщины*. М.: Политиздат.
- Женщины в СССР: статистические материалы*. 1981. М.: Финансы и статистика.
- Женщины в СССР: статистические материалы*. 1989. М.: Финансы и статистика.
- Женщины и мужчины России*. 2000. М.: Госкомстат России. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138887978906
- Женщины и мужчины России*. 2002. М.: Госкомстат РФ. URL: www.gks.ru/bgd/regl/B02_50/IssWWW.exe/Stg/d010/i010730r.htm
- Женщины и мужчины России*. 2010. М.: Госкомстат России. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138887978906
- Женщины и мужчины России*. 2012. М.: Госкомстат РФ. URL: www.gks.ru/bgd/regl/b12_50/Main.htm
- Здравомыслова Е. 2010. Как домработница меняет российскую семью. Интервью Алисы Жабенко с Еленой Здравомысловой. *ПОЛИТ.РУ*. URL: <http://www.polit.ru/article/2010/06/04/family>
- Здравомыслова Е., Тёмкина А. 2009. Ушёл ли в прошлое патриархат? Специфическая власть «слабого пола». В кн.: Тартаковская И. (отв. ред.). *Гендер для «чайников» – 2*. М.: Звенья; 25–42.
- Инглхарт Р. 2010. *Модернизация, счастье и благополучие: Россия в сравнительной перспективе. Лекция*. 13 декабря. М.: HSE Video. URL: <http://www.hse.ru/video/26412822.html>

- Инглхарт Р., Вельцель Р. 2011. *Модернизация, культурные изменения и демократия*. М.: Новое издательство.
- Капелюшников Р. И. 2005. Деконструкция Поланьи: заметки на полях «Великой трансформации». *Социологический журнал*. 3: 5–36.
- Кастель Р. 2009. *Метаморфозы социального вопроса. Хроника наёмного труда*. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя.
- Клугман Дж. (отв. ред.). 1998. *Бедность в России. Государственная политика и реакция населения*. Вашингтон: Всемирный банк.
- Коровкин А. Г., Королёв И. Б. 2002. *Динамика и структура занятого населения по полу: Опыт макроэкономического анализа*. М.: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. URL: www.ecfor.ru/pdf.php?id=2003/3/08
- Лыткина Т. 2004. Домашний труд и гендерное разделение власти в семье. *Социс*. 7: 85–90.
- Лыткина Т. 2011. Социальная биография исключения в постсоветской России. *Журнал социологии и социальной антропологии*. XIV (1): 87–109.
- Народное хозяйство СССР в 1990 году. 1991*. Статистический ежегодник. М.: Финансы и статистика. URL: [www.publ.lib.ru/ARCHIVES/N/\"Narodnoe_hozyaystvo_SSSR\"](http://www.publ.lib.ru/ARCHIVES/N/\)
- Письменная Е. 2001а. Бедность как угроза. *Ведомости*. 151 (2918). 17.08. URL: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/265755/>
- Письменная Е. 2011б. *Социальная политика России способствует люмпенизации населения*. URL <http://strategy2020.rian.ru/smi/20110817/366126808.html>
- Поланьи К. 2002 (1944). *Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени*. СПб.: Алетейя.
- Прокофьева Л. М. et al. 2000. *Феминизация бедности в России. Макроэкономический анализ феминизации бедности в России*. Сборник докладов, подготовленных для Всемирного банка. М.: Весь мир.
- Регионы России. *Социально-экономические показатели*. 2010. М.: Госкомстат РФ. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/05-03.htm
- Россия в цифрах*. М.: Госкомстат РФ. URL: www.gks.ru/bgd/regl/b08_11/IssWWW.exe/Stg/d01/07-07.htm
- Сен А. 2004. *Развитие как свобода*. М.: Новое издательство.
- Смит Д. Е. 2000 (1989). Социологическая теория: методы патриархатного письма. В сб.: Здравомыслова Е., Тёмкина А. (отв. ред.). *Хрестоматия феминистских текстов*. СПб.: Дмитрий Буланин; 29–63.

- Стратегия-2020. Новая модель роста — новая социальная политика*. Промежуточный доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года. URL: <http://2020strategy.ru/data/2012/03/14/1214585998/1itog.pdf>
- Труд и занятость в России — 2011 г.* Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b11_36/Main.htm
- Хартманн Х. 2005 (1983). Капитализм, патриархат и половая сегрегация труда. В кн.: Тартаковская И. *Гендерная социология*. М.: ООО «Вариант»; 248–254.
- Хартманн Х. 2005 (1981). Несчастливый брак марксизма с феминизмом... В кн.: Тартаковская И. *Гендерная социология*. М.: ООО «Вариант»; 255–263.
- Ярошенко С. 1999. В пути к теории русского феминизма. В кн.: Аристархова И. (отв. ред.). *Женщина не существует: Современные исследования полового различия*. Сыктывкар: Сыктывкарский университет; 15–23.
- Ярошенко С. 2001. Гендерные различия стратегий занятости работающих бедных в России. *Рубеж*. 16–17: 25–49.
- Ярошенко С. 2003. Женская занятость в условиях социального и гендерного исключения. *Социологический журнал*. 3: 137–150.
- Ярошенко С. 2005. *Бедность в постсоциалистической России*. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН.
- Ярошенко С. 2006. Локальные контексты глобальной проблемы феминизации бедности. В кн.: Попкова Л. (отв. ред.). *Глобализация и гендерные отношения: вызовы для постсоветских стран*. Самара: Издательство «Самарский университет»; 15–33.
- Ярошенко С. 2011. Феминистский проект в студенческой среде: сравнение через границы. В кн.: Ярошенко С. (отв. ред.). *Женский проект: метаморфозы диссидентского феминизма во взглядах молодого поколения России и Австрии*. СПб.: Алетейя; 118–136.
- Aristarkhova I. 1995. Women and Government in Bolshevik Russia. *Labour Studies Working Papers*. 4.
- Ashwin S. (ed.). 2006. *Adaptig to Russia's New labour Market. Gender and Employment Bahaivour*. London: Routledge.
- Ashwin S., Lytkina T. 2004. Men in Crisis in Russia. The Role of Domestic Marginalization. *Gender and Society*. 18 (2): 189–206.
- Burawoy M. 2000. Sociology for the Second Great Transformation? *Annual Review Sociology*. 26: 693–695.
- Burawoy M., Krotov P., Lytkina T. 2000. Domestic Involution: How Women Organize Survival in a North Russian City. In: Bonnel V., Breslauer G. (eds). *Russia in the New Century: Stability or Disorder?* Boulder, Co.: Westview Press; 231–257.
- Clarke S. 1999. *The Formation of a Labor Market in Russia*. Cheltenham: Edward Elgar.

- Crompton R., Harris F. 1998. Explaining Women's Employment Patterns: «Orientations to Work» Revisited. *The British Journal of Sociology*. 49 (1): 118–136.
- Emigh R. J., Szelenyi I. (ed.). 2001. *Poverty, Ethnicity and Gender in Eastern Europe during the Market Transition*. London: Praeger.
- Emigh R. J., Fodor E., Szelenyi I. 1999. The Racialization and Feminization of Poverty during the Market Transition. *EUI Working Papers RSC*. 99/10.
- England P. 2005. Emerging Theories of Care Work. *Annual Review of Sociology*. 31: 381–399.
- Fodor E. 2003. *Working Difference. Women's Working Lives in Hungary and Austria, 1945–1995*. Durham: Duke University Press.
- Fodor E. 2004. The State Socialist Emancipation Project: Gender Inequality in Workplace Authority in Hungary and Austria. *Signs: Journal of Women in Culture and Society*. 29 (3): 783–813.
- Fodor E. 2006. A Different Type of Gender Gap: How Women and Men Experience Poverty. *East European Politics and Societies*. 20: 14–39.
- Fraser N. 1989. *Unruly Practices: Power, Discourse and Gender in Contemporary Social Theory*. Cambridge: Polity Press.
- Fraser N. 2011. *Marketization, Social Protection, Emancipation: Re-Reading Karl Polanyi in the 21st Century*. URL: <http://www.crassh.cam.ac.uk/events/1534/>
- Hakim C. 1995. Five Feminist Myth about Women's Employment. *The British Journal of Sociology*. 46 (3): 429–455.
- Hakim C. 2003. A New Approach to Explaining Fertility Patterns: Preference Theory. *Population and Development Review*. 29 (3): 349–374.
- Hausmann R., Tyson L. D., Zahidi S. 2006. *The Global Gender Gap Report 2006*. Geneva: World Economic Forum.
- Hausmann R., Tyson L. D., Zahidi S. 2010. *The Global Gender Gap Report 2010*. Geneva: World Economic Forum.
- Hochschild A. R. 1989. *The Second Shift*. New York: Avon Books.
- Hochschild A. R. 2005. Love and Gold. In: Ricciutelli L. (ed.). *Women, Power and Justice: A Global perspective*. London; Toronto: Zed/Innana Books.
- Jackson C., Palmer-Jones R. 2000. Rethinking Gendered Poverty and Work. In: Razavi Sh. (ed.). *Gendered Poverty and Well-Being*. Oxford: Blackwell Publishers; 145–170.
- Jonasdottir A. G. 1988. Sex/Gender, Power and Politics: Towards a Theory of the Foundations of Male Authority in the Formally Equal Society. *Acta Sociologica*. 31 (2): 157–174.

- Kollontai A. 1977 (1920). *Communism and the Family*. In: *Selected Writings of Alexandra Kollontai*. London: Allison & Busby. URL: <http://www.marxists.org/archive/kollonta/1920/communism-family>
- Ladanyi J., Szelenyi I. 2006. *Patterns of Exclusion: Constructing Gypsy Ethnicity and the Making of an Underclass in Transitional Societies of Europe*. New York: Columbia University press.
- Lykke N. 2008. On Feminist Dialogism and Historical Materialism Theories of Anna G. Jonasdottir. In: Jones K. B., Karlsson G. (eds). *Gender and the Interests of Love. Essays in Honour of Anna G. Jonasdottir*. Örebro: Örebro University Press; 257–273.
- Smith D. E. 1990. *Texts, Facts and Femininity. Exploring the Relations of Ruling*. London; New York: Routledge.
- Young I. 1990. *Justice and Politics of Difference*. Princeton: Princeton University Press; 38–65.

NEW TEXTS

S. Yaroshenko

“Women’s Work” and Personal Well-Being: Technology of Exclusion in Post-Soviet Russia

YAROSHENKO,

Svetlana — Candidate
of Sciences in Sociology,
Associate Professor.

Department of
Comparative Sociology,
Saint Petersburg State
University.

Address: 1/3 Smol'nogo
str., entrance 9,
St. Petersburg, Russia,
193060.

Email: [svetayaroshenko@
gmail.com](mailto:svetayaroshenko@gmail.com)

Abstract

This paper examines the features of post-soviet women's position in the labour market and the changes in their employment strategies during the last decade. Using the data from the five waves of longitudinal qualitative research, conducted in the period from 1999 to 2010 in one of Russia's region among registered poor, the author argues that under the conditions of market service economy the ability of women to manage life situations with their work are reduced. The author shows that the transition of women in the market services sector does not improve wages, that their acceptance the “universal worker” norms does not guarantee high returns and does not compensate costs associated with the rejection of caring for others. The pattern of gendered exclusion, or the way of patriarchal domination is changing. In the Soviet era, a special governmental support for women stimulated their inclusion in the scope of employment and minimized the impact of sex differences on the working career. At the same time, women were segregated in the sectors of social reproduction and their responsibility for maintaining the household was preserved. In competitive business environment

the special position of women between work and home, based on the care for others, becomes a resource for surviving and a source of profit.

Keywords: “women’s work”; care; gendered regimes of social exclusion; well-being; social transformation; post-soviet Russia.

References

- Arendt H. (2000 [1960]) *Vita activa, ili O deyatel'noy zhizni* [The Human Condition], Saint Petersburg: Aleteyya (in Russian).
- Aristarkhova I. (1995) Women and Government in Bolshevik Russia. *Labour Studies Working Papers*, no 4.
- Ashvin S. (2000) Vliyanie sovetskogo gendernogo poryadka na sovremennoe povedenie v sfere zanyatosti [The Impact of the Soviet Gender Order on Modern Employment Behaviour]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 11, pp. 63–72 (in Russian).
- Ashvin S. (2006a) Gendernaya solidarnost' protiv ekonomicheskikh trudnostey. Vliyanie sovetskogo naslediya [Gender Solidarity versus Economic Difficulties. The Influence of the Soviet Legacy]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 4, pp. 57–68 (in Russian).
- Ashwin S. (ed.) (2006b) *Adaptig to Russia's New Labour Market. Gender and Employment Bahaviour*, London: Routledge.

- Ashwin S., Lytkina T. (2004) Men in Crisis in Russia. The Role of Domestic Marginalization. *Gender and Society*, vol. 18, no 2, pp. 189–206.
- Boltanski L., Chiapello E. (2011) *Novyy dukh kapitalizma* [The New Spirit of Capitalism], Moscow: Novoe Literaturnoe obozrenie (in Russian).
- Borozdina E., Zdravomyslova E., Temkina A. (2011) Materinskiy kapital: sotsial'naya politika i strategii semey [Maternity (Family) Capital: Social Policy and Family Strategies]. *Gendernye stranitsy*. Available at: <http://genderpage.ru/?p=481> (accessed 9 November 2013) (in Russian).
- Braidotti R. (2000 [1994]) Razlichie polov kak politicheskiy proekt nomadizma [Sexual Difference as a Nomadic Political Project]. *Khrestomatiya feministstikh tekstov. Perevody* [Handbook of Feminist Writings. Translations] (eds. E. Zdravomyslova, A. Temkina), Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 220–250 (in Russian).
- Burawoy M. (2000) Sociology for the Second Great Transformation? *Annual Review Sociology*, vol. 26, pp. 693–695.
- Burawoy M., Krotov P., Lytkina T. (2000) Domestic Involution: How Women Organize Survival in a North Russian City. *Russia in the New Century: Stability or Disorder?* (eds. V. Bonnel, G. Breslauer), Boulder, Co.: Westview Press, pp. 231–257.
- Castel R. (2009) *Metamorfozy sotsial'nogo voprosa. Khronika naemnogo truda* [The Metamorphoses of the Social Question. A Chronicle of Wage-Earning Employment], Moscow: Institut eksperimental'noy sotsiologii; Saint Petersburg: Aleteyya (in Russian).
- Crompton R., Harris F. (1998) Explaining Women's Employment Patterns: 'Orientations to Work' Revisited. *The British Journal of Sociology*, vol. 49, no 1, pp. 118–136.
- Clarke S. (1999) *The Formation of a Labor Market in Russia*, Cheltenham: Edward Elgar.
- Emigh R. J., Szelenyi I. (ed.) (2001) *Poverty, Ethnicity and Gender in Eastern Europe during the Market Transition*, London: Praeger.
- Emigh R. J., Fodor E., Szelenyi I. (1999) The Racialization and Feminization of Poverty during the Market Transition. *EUI Working Papers RSC*, no 99/10.
- England P. (2005) Emerging Theories of Care Work. *Annual Review of Sociology*, vol. 31, pp. 381–399.
- Fodor E. (2003) *Working Difference. Women's Working Lives in Hungary and Austria, 1945–1995*, Durham: Duke University Press.
- Fodor E. (2004) The State Socialist Emancipation Project: Gender Inequality in Workplace Authority in Hungary and Austria. *Signs: Journal of Women in Culture and Society*, vol. 29, no 3, pp. 783–813.
- Fodor E. (2006) A Different Type of Gender Gap: How Women and Men Experience Poverty. *East European Politics and Societies*, vol. 20, pp. 14–39.
- Fraser N. (1989) *Unruly Practices: Power, Discourse and Gender in Contemporary Social Theory*, Cambridge: Polity Press.

- Fraser N. (2011) *Marketization, Social Protection, Emancipation: Re-reading Karl Polanyi in the 21st Century*. Available at: www.crassh.cam.ac.uk/events/1534/ (accessed 9 November 2013).
- Gontmakher E. Sh., Denisenko M. B., Zubarevich N. V., Kolesnikov A. V., Krasnov M. A., Kulik S. A., Makarenko B. I., Maksimov A. N., Maleva T. M., Maslennikov N. I., Mkrtychyan N. V., Mukomel' V. I., Rubtsov A. V., Tyuryukanova E. V., Shatalova E. V., Yurgens I. Yu. (2011) *Obretenie budushchego: Strategiya 2012. Konspekt* [Discovering the Future: Strategy 2012. Summary], Moscow: Ekon-Inform (in Russian).
- Gruzdeva E. B., Chertikhina E. S. (1983) *Trud i byt sovetskoy zhenshchiny* [Labour and Life of the Soviet Woman]. Moscow: Politizdat (in Russian).
- Hakim C. (1995) Five Feminist Myth about Women's Employment. *The British Journal of Sociology*, vol. 46, no 3, pp. 429–455.
- Hakim C. (2003) A New Approach to Explaining Fertility Patterns: Preference Theory. *Population and Development Review*, vol. 29, no 3, pp. 349–374.
- Hartmann H. (2005 [1983]) Kapitalizm, patriarkhat i polovaya segregatsiya truda [Capitalism, Patriarchy and Job Segregation by Sex]. *Gendernaya sotsiologiya* [Gender Sociology] (ed. I. Tartakovskaya), Moscow: Variant, pp. 248–254 (in Russian).
- Hartmann H. (2005 [1981]) Neschastlivyy brak marksizma s feminizmom... [The Unhappy Marriage of Marxism and Feminism...]. *Gendernaya sotsiologiya* [Gender Sociology] (ed. I. Tartakovskaya), Moscow: Variant, pp. 255–263 (in Russian).
- Hausmann R., Tyson L. D., Zahidi S. (2006) *The Global Gender Gap Report 2006*, Geneva: World Economic Forum.
- Hausmann R., Tyson L. D., Zahidi S. (2010) *The Global Gender Gap Report 2010*, Geneva: World Economic Forum.
- Hochschild A. R. (1989) *The Second Shift*, New York: Avon Books.
- Hochschild A. R. (2005) Love and Gold. *Women, Power and Justice: A Global Perspective* (ed. L. Ricciutelli), London; Toronto: Zed/Innana Books.
- Inglehart R. (2010) Modernizatsiya, schast'e i blagopoluchie: Rossiya v sravnitel'noy perspektive. Lektsiya [Modernization, Happiness and Well-being: Russia in Comparative Perspective], 13 dekabrya, Moscow: HSE Video, Available at: <http://www.hse.ru/video/26412822.html> (accessed 9 November 2013) (in Russian).
- Inglehart R., Welzel C. (2011) *Modernizatsiya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya* [Modernization, Cultural Change, and Democracy], Moscow: Novoe izdatel'stvo (in Russian).
- Jackson C., Palmer-Jones R. (2000) Rethinking Gendered Poverty and Work. *Gendered Poverty and Well-Being* (ed. Sh. Razavi), Oxford: Blackwell Publishers, pp. 145–170.
- Jonasdottir A. G. (1988) Sex/Gender, Power and Politics: Towards a Theory of the Foundations of Male Authority in the Formally Equal Society. *Acta Sociologica*, vol. 31, no 2, pp. 157–174.

- Kapelyushnikov R. I. (2005) Dekonstruksiya Polan'i: zametki na polyakh "Velikoy transformatsii" [Deconstruction of Polanyi: Notes on Pages of "The Great Transformation"]. *Sotsiologicheskii zhurnal*, no 3, pp. 5–36 (in Russian).
- Klugman Dzh. (ed.) (1998) *Bednost' v Rossii. Gosudarstvennaya politika i reaktsiya naseleniya* [Poverty in Russia. Gender Policy and People's Reaction], Washington: Vsemirnyy Bank (in Russian).
- Kollontai A. (1977 [1920]) *Communism and the Family. Selected Writings of Alexandra Kollontai*, London: Allison & Busby. URL: <http://www.marxists.org/archive/kollonta/1920/communism-family> (accessed 9 November 2013).
- Korovkin A. G., Korolev I. B. (2002) *Dinamika i struktura zanyatogo naseleniya po polu: Opyt makroekonomicheskogo analiza* [Dynamics and Gender Structure of Employed People: A Macroeconomic Analysis], Moscow: Institut narodnokhozyaystvennogo prognozirovaniya RAN. Available at: www.ecfor.ru/pdf.php?id=2003/3/08 (accessed 9 November 2013) (in Russian).
- Ladanyi J., Szelenyi I. (2006) *Patterns of Exclusion: Constructing Gypsy Ethnicity and the Making of an Underclass in Transitional Societies of Europe*, New York: Columbia University Press.
- Lykke N. (2008) On Feminist Dialogism and Historical Materialism Theories of Anna G. Jonasdottir *Gender and the Interests of Love. Essays in Honour of Anna G. Jonasdottir* (eds. K. B. Jones, G. Karlsson), Örebro: Örebro University Press, pp. 257–273.
- Lytkina T. (2004) Domashniy trud i gendernoe razdelenie vlasti v sem'e [Household Labour and Gender Division of Power in Family]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 7, pp. 85–90 (in Russian).
- Lytkina T. (2011) Sotsial'naya biografiya isklyucheniya v postsovetsoy Rossii [The Social Biography of Exclusion in the Post-Soviet Russia]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, vol. XIV, no 1, pp. 87–109 (in Russian).
- Narodnoe khozyaystvo SSSR v 1990 godu* [The National Economy in the USSR in 1990] (1991) Statisticheskii ezhegodnik, Moscow: Finansy i statistika. Available at: www.publ.lib.ru/ARCHIVES/N/Narodnoe_hozyaystvo_SSSR/ (accessed 9 November 2013) (in Russian).
- Pis'mennaya Ye. (2001a) Bednost' kak ugroza [Poverty as a Threat]. *Vedomosti*, no 151 (2918), August 17. Available at: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/265755/> (accessed 9 November 2013) (in Russian).
- Pis'mennaya Ye. (2011b) *Social'naya politika Rossii sposobstvuet lyumpenizatsii naseleniya* [The Russian Social Policy Has Resulted in Lumpenization of the Population]. Available at: <http://strategy2020.rian.ru/smi/20110817/366126808.html> (accessed 9 November 2013) (in Russian).
- Polanyi K. (2002) *Velikaya transformatsiya. Politicheskie i ekonomicheskie istoki nashego vremeni* [The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time], Saint Petersburg: Aleteyya (in Russian).
- Prokof'eva L. M., Rzhانيتsyna L., Ovcharova L., Pavlova N., Toksanabaeva M., Popova R., Korchagina I. (2000) *Feminizatsiya bednosti v Rossii: Makroekonomicheskii analiz feminizatsii bednosti v Rossii* [Feminization of Poverty in Russia: A Macroeconomic Analysis of Feminization of Poverty in Russia]. *Sbornik dokladov, podgotovlennykh dlya Vsemirnogo banka*, Moscow: Ves' mir (in Russian).

- Regiony Rossii. Social'no-ekonomicheskie pokazateli* [Social and Economic Indicators] (2010), Moscow: Goskomstat RF. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/05-03.htm (accessed 9 November 2013) (in Russian).
- Rossiia v tsifrakh* [Russia in Figures], Moscow: Goskomstat RF. Available at: www.gks.ru/bgd/regl/b08_11/IssWWW.exe/Stg/d01/07-07.htm (accessed 9 November 2013) (in Russian).
- Sen A. 2004. *Razvitie kak svoboda* [Development as Freedom], Moscow: Novoe izdatel'stvo (in Russian).
- Smith D. E. (1990) *Texts, Facts and Femininity. Exploring the Relations of Ruling*, London and New York: Routledge.
- Smith D. E. (2000 [1989]) *Sotsiologicheskaya teoriya: metody patriarkhatnogo pis'ma* [Sociological Theory: Methods of Writing Patriarchy]. *Khrestomatiya feministkikh tekstov. Perevody* [Handbook of Feminist Writings. Translations] (eds. E. Zdravomyslova, A. Temkina), Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 29–63 (in Russian).
- Strategiya–2020: Novaya model'rosta — novaya sotsial'naya politika*. Promezhutochnyy doklad o rezul'tatakh ekspertnoy raboty po aktual'nym problemam sotsial'no-ekonomicheskoy strategii Rossii na period do 2020 goda [Strategy–2020: New Model of Growth — New Social Policy. The Intermediary Report about Results of the Expert Work on the Actual Issues of Russia's Social and Economic Strategy for the Period until 2020]. Available at: <http://2020strategy.ru/data/2012/03/14/1214585998/1itog.pdf> (accessed 9 November 2013) (in Russian).
- Trud i zanyatost' v Rossii — 2011 g. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki* [Labour and Employment in Russia — 2011. Federal State Statistics Service]. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b11_36/Main.htm (accessed 9 November 2013) (in Russian).
- Yaroshenko S. (1999) V puti k teorii russkogo feminizma [Toward a Theory of Russian Feminism]. *Zhenshchina ne sushchestvuet: Sovremennye issledovaniya polovogo razlichiya* [There is no Woman: Contemporary Studies in Gender Differences] (ed. I. Aristarkhova), Syktyvkar: Syktyvkarskiy universitet, pp. 15–23 (in Russian).
- Yaroshenko S. (2001) Gendernye razlichiya strategiy zanyatosti rabotayushchikh bednykh v Rossii [Gender Differences in Employment Strategies of the Employed Poor People in Russia]. *Rubezh*, vol. 16–17, pp. 25–49 (in Russian).
- Yaroshenko S. (2003) Zhenskaya zanyatost' v usloviyakh sotsial'nogo i gendernogo isklyucheniya [Women's Employment under Conditions of Social and Gender Exclusion]. *Sotsiologicheskii zhurnal*, no 3, pp. 137–150 (in Russian).
- Yaroshenko S. (2005) *Bednost' v postsocialisticheskoy Rossii* [Poverty in Post-Soviet Russia], Syktyvkar: Komi nauchnyi centr UrO RAN (in Russian).
- Yaroshenko S. (2006) Lokal'nye konteksty global'noy problemy feminizatsii bednosti [Local Contexts of the Global Problem of Feminization of Poverty]. *Globalizatsiya i gendernye otnosheniya: vyzovy dlya postsovetskikh stran* [Globalization and Gender Relations: Challenges for Post-Soviet States] (ed. L. Popkova), Samara: Izdatel'stvo "Samarskiy universitet", pp. 15–33 (in Russian).

- Yaroshenko S. (2011) Feministskiy proekt v studencheskoy srede: sravnenie cherez granitsy [A Feminist Project in Students' Environment: Comparison through Borders]. *Zhenskiy proekt: metamorfozy dissidentskogo feminizma vo vzglyadakh molodogo pokoleniya Rossii i Avstrii* [A Female Project: Metamorphoses of Views of Younger Generation in Russia and Austria] (ed. S. S. Yaroshenko), Saint Petersburg: Aleteyya, pp. 118–136 (in Russian).
- Young I. (1990) *Justice and Politics of Difference*, Princeton: Princeton University Press, pp. 38–65.
- Zdravomyslova E. (2010) Kak domrabortnitsa menyaet rossiyskuyu sem'yu. Interv'yū Alisy Zhabenko s Elenoy Zdravomyslovoy [How Maid Changes Russian Family. Elena Zdravomyslova interviewed by Alisa Zhabenko]. *POLIT.RU*. Available at: <http://www.polit.ru/article/2010/06/04/family> (accessed 9 November 2013) (in Russian).
- Zdravomyslova E., Temkina A. (2009) Ushel li v proshloe patriarkhat? Spetsificheskaya vlast' "slabogo pola" [Has Patriarchy Become a Thing of Past? The Women's Peculiar Power]. *Gender dlya "chaynikov" – 2* [Gender Basics 2] (ed. I. Tartakovskaya), Moscow: Zven'ya, pp. 25–42 (in Russian).
- Zhenshchiny i muzhchiny Rossii* [Women and Men in Russia] (2000), Moscow: Goskomstat Rossii, Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138887978906 (accessed 9 November 2013) (in Russian).
- Zhenshchiny i muzhchiny Rossii* [Women and Men in Russia] (2012), Moscow: Goskomstat RF. Available at: www.gks.ru/bgd/regl/b12_50/Main.htm (accessed 9 November 2013) (in Russian).
- Zhenshchiny i muzhchiny Rossii* [Women and Men in Russia] (2010), Moscow: Goskomstat Rossii. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138887978906 (accessed 9 November 2013) (in Russian).
- Zhenshchiny i muzhchiny Rossii* [Women and Men in Russia] (2002), Moscow: Goskomstat RF. Available at: www.gks.ru/bgd/regl/B02_50/IssWWW.exe/Stg/d010/i010730r.htm (accessed 9 November 2013) (in Russian).
- Zhenshchiny v SSSR: statisticheskie materialy* [Women in the USSR: Statistical Materials] (1981), Moscow: Finansy i statistika (in Russian).
- Zhenshchiny v SSSR: statisticheskie materialy* [Women in the USSR: Statistical Materials] (1989), Moscow: Finansy i statistika (in Russian).